К О Н Г Р Е С С

(комедия в трёх действиях)

М. Ковров

ХАРЬКОВ – МОСКВА

1991 - 2023

История написания пьесы. Прочитав борхесовский "Конгресс", я обратил внимание, что все это очень похоже на всемирную конференцию, о которой постоянно говорил Гагарин. Как известно, Толстой скептически относился к предложению Гагарина. И мне пришла мысль написать инсценировку "Конгресса", перенеся заседания Всемирного Конгресса из кондитерской Гаса Буэнос-Айреса в кондитерскую мадам Пок города Харькова, и заменив аргентинские фамилии на наши, взяв их с телевизионного экрана (Алехандро Гленкоэ на Леонида Ивановича Сухова и т.д.) И чтобы персонажи говорили не то, что они говорили у нас на экране, а то, что могли бы сказать, но, по разным причинам, не сказали. Написав пьесу, я направил ее в журнал. Зав.отделом прозы сказал мне, что пьеса ему понравилась, но в данном случае требуется решение Главного. Главный был в творческом отпуске, его обязанности временно исполнял Вадим Валерианович Кожинов. Прочитав пьесу, Кожинов сказал (это был октябрь 1991 г.), что я сразу написал историческую пьесу, и она ему очень понравилась, и что через двадцать лет мы ее напечатаем; если напечатать ее сейчас, то читатель непременно примет ее за современную, а она историческая, и все будет испорчено. Через десять лет Кожинов умер. Недавно проводя уборку в квартире, я наткнулся на нее (я уже забыл о ней), сделал несколько поправок, и выкладываю ее здесь. Я убрал препирательства персонажей относительно регламента заседаний (в 1991 г. это была мода), заменил фамилию Ландсбергис на Ландсбяргис, и он уже не играет на фортепиано прелюд М.Чюрлёниса, а играет на виолончели, М.Виельгорского. И изменил финал. Там входила мадам Пок, подходила к окну, мыла воображаемое окно, и по ее поведению было видно, что никаких персонажей здесь нет, все это наше воображение.

К О Н Г Р Е С С

(комедия в трёх действиях)

Действующие лица

Пок Аделаида Александровна, *мадам*

конгрессмены:
Абалкин Леонид Иванович
Айдак Аркадий Павлович
Ландсбяргис Витаутас
Распутин Валентин Григорьевич
Сахаров Андрей Дмитриевич
Сулейменов Олжас Омарович
Сухов Леонид Иванович

акт первый

Харьков, улица Розы Люксембург, кондитерская мадам Пок. На стене, разделяющей зрительный зал и сцену, слева - портрет мадам Пок, справа - окно. Собравшиеся сидят за большим столом. На председательском месте - Сухов. За отдельным столиком Абалкин и Ландсбяргис играют в шахматы, с часами. Перед Ландсбяргисом стоит чашка шоколада.

Ландсбяргис. Во всем виноват Толстой.

Абалкин (*делает ход, встает*). Именно! Аделина Вирджиния Стивен, в замужестве Вулф, пишет, что когда у них вышли "Казаки" Толстого, "Война и мир", англичане начали смотреть на все новыми глазами: на провинциальные балы, религию, любовь, войну; на бессмертие души, семейную жизнь, на закаты и рассветы. Картины шире, мощнее и глубже она и вообразить не может. Обнаружилось, что их лучшие писатели - Диккенс, Теккерей пишут о куклах и марионетках, не о людях; пишут, словно избегая говорить о главном, развлекают отступлениями. Английские профессора разволновались, в Толстом можно было усмотреть что-то унизительное для их национального достоинства, и даже приговор; тут и родилась русофобия, во всем виноват Лев Толстой! Сэр Исайя Берлин, президент английской академии, прочитав трактат Толстого об искусстве, понял его так, что книги могут быть написаны не только для того, чтобы их продавать. Сэр Исайя никогда не думал, что так может быть, и сам он ни разу не встречал таких людей. Идея настолько поразила сэра Исайю, что он написал об этом несколько книг и продал их. Россия. Серенькое небо. Люди живут на пустом месте и на улице можно столкнуться...

Ландсбяргис (*делает ход*). ...с медведем.

Сулейменов. Медведям - им нигде не загорожено.

Сухов. Трудится на кузне подручным.

Распутин. Платы не берет. Работает за харчи.

Айдак. И дело свое знает. А когда кузнец спит...

Абалкин (*делает ход*). ...медведь стоит на страже; и тут - Толстой! Она поняла у Толстого другое: что проблема у писателя одна - в мужестве. Герои ее первого романа "Мелимброзия" - англичане, отправившиеся отдыхать в Южную Америку; куда еще триста лет назад приплыли пять елизаветинских барков. Тогда испанские галионы лежали наполовину вытащенными на берег. Английские моряки забрали серебряные слитки, льняные ткани и золотые распятия, инкрустированные изумрудами. Когда пьяные

испанцы вернулись к кораблям, завязалась драка. Испанцы, разжиревшие от легкой жизни, гибли один за другим. Англичане добили раненых и утопили умирающих. Позже то же самое было с Гибралтаром...Думаешь обо всем, чего мы достигли, говорит Кларисса Дэллоуэй, героиня романа, о нашем военном флоте, о наших людях в Индии, в Африке, о том, как мы век за веком шли все дальше, посылая вперед наших деревенских ребят - и вдруг понимаешь, как это, наверное, невыносимо не быть англичанином! И свет, идущий от нашего парламента! Кларисса только что освободила пташку, пойманную в силки каким-то негодяем. Ей омерзительна даже мысль о том, что там, где похоронены англичане, бьется в неволе живое существо. Отныне Толстой - опора Виржинии Вулф, на всю жизнь. В каждом романе эти следы. И не только в романах. Вирджиния Вулф пишет в "Своей комнате": если спросить пожилую англичанку о жизни, она вспомнит пушечную пальбу в Гайд-парке по случаю рождения короля Эдуарда VII; или уличный фейерверк в честь победы при Балаклаве. (*Смотрит на портрет.*) Как лицо у нее переменилось. Будто надела другое платье.

Сухов. Это наша Аделаида Александровна.

Абалкин. Красота нездешняя.

Сухов. Это она в молодости.

Абалкин. Неведомая песня. А музыка может быть любая. Была телоносная Гризельда, теперь задумчивая Офелия.

Сухов. Изделие Олександра Петровича Довженко.

Абалкин. Древние германцы верили, что в женщинах есть что-то священное, они для них были чем-то вроде оракулов.

Сулейменов. И первым лириком была женщина - Сапфо.

Но терпи, терпи: чересчур далеко
Все зашло...

Абалкин. И хотя кроме Толстого, никогда не было писателя, чьи произведения, при его жизни, были бы известны буквально во всем мире, сам он говорит: мои романы - я потерял к ним всякий интерес; я культивировал чувства наименее нужные людям. Это все равно как к Галилею кто-нибудь пришел и сказал: уважаю тебя за то, что хорошо танцуешь тарантеллу; у меня есть совсем другие книги. Если в моих художественных произведениях есть какое достоинство, то это реклама, - для тех мыслей, которые там иногда попадаются. Чаадаев пишет Александру Тургеневу: "всякое художественное произведение есть ораторская речь или проповедь". Но самое замечательное это то, что ни Чаадаев ни Толстой не были проповедниками, они хорошо знали как сложно всякое умственное утверждение и часто как сомнительно. Так называемое "толстовство" никакого отношения к Толстому не имеет; так же как и "западничество" Чаадаева.

Ландсбяргис. Если бы Толстой не написал своих романов, кто бы читал его другие сочинения?

Абалкин. Именно! Известность к Толстому пришла вовсе не из-за романов. Пришла в 1885 г., когда в Париже вышла "В чем моя вера", под заглавием "Моя религия". А романы еще не были переведены. Сам Толстой говорил: у меня нет никакого учения, я просто указал на неверность переводов и толкований евангелий. Оказалось, что слово "ближний" в евангелии означает только еврея, а слово "враг" употребляется в смысле врагов не личных, а врагов еврейского народа. В тех четырнадцати местах, где Христос предсказывает, по мнению толкователей, свое воскресение, в подлиннике, который церковь считает подлинником, нет даже слова "воскресение". Христос прямо говорит, что отменяет "законы" Моисея с их дикой жестокостью и лицемерием, но изготовляются толкования, искажаются переводы, и Христос теперь уже утверждает "закон" Моисея.

Сулейменов. В Корее, например, Лю Ён Мо, Толстой и Ганди - три святых прошлого. Толстой здесь не потому, что написал "Войну и мир". Лю Ён Мо - ученик и последователь Толстого.

Абалкин. Все началось у нас именно с Чаадаева. Он говорил: при создании текстов часто пропадают интонации и тогда считается что требуются толкования. А толкования - это выбор и группировка фактов. Постепенно они принимают местную и современную окраску. Слова лишаются силы и авторитета. Под бессмертием стали воображать жизнь после смерти. Если же в истории скрыто важное поучение, на него укажут скорее другие способы группировки известных фактов, чем дальнейшее их накопление; и Толстой приходит к выводу, что та форма жизни, которой живут христианские народы, должна быть разрушена. Не потому, что ее разрушат революционеры, анархисты, рабочие, социалисты, японцы или китайцы, она уже разрушена на главную половину - она разрушена в сознании людей. Толстой стал первым в России - с мировой славой мыслителя. Отныне Россия ассоциировалась с именем Толстого. Он говорил, что "западный мир" основан не на "рыночных основаниях", а на насилии. После Толстого царь уже не мог не отказаться от престола. А англичане и американцы были не в состоянии толком организовать интервенцию; потому что революция в России воспринималась как осуществление заветов Толстого. Во многом она и была такой, во всем виноват Лев Толстой. Это если не вдаваться в детали.

Сулейменов. А детали интересны. Толстой говорит, что капитализм и социализм по Марксу не отличаются друг от друга; и там и там "удовлетворение потребностей".

Абалкин. Чаадаев уже предчувствовал это, говорил: социализм победит не потому, что он прав, а потому что не правы его противники.

Айдак. Если спор идет от том, какой из способов приводит к наиболее быстрому истреблению природных ресурсов, то причина наших проблем - другая...

Абалкин. ...а не те, которые подсовываются нам профессорами, говорила в подобных случаях Вирджиния Вулф.

Айдак. ...живем по чужому уму. Смысл не может быть далеким и непонятным. Он должен быть тут же.

Сулейменов. Толстой всегда имел дело со страницей, начисто переписанной накануне женой или дочерьми. Каждая страница переписывалась многократно. Само собой оказывалось, что какой бы ни был авторский замысел, он в первую очередь должен был понятен жене и дочерям. Они и определили стилистику художественных текстов Толстого.

Абалкин. То, что он позже назовет тарантеллой. После первой встречи Чехова с Толстым, в Ясной Поляне, он пишет Суворину: дочери Толстого очень симпатичны. Обожают отца и веруют в него фанатически. А это значит, что Толстой в самом деле великая нравственная сила. Если бы он был неискренен и не безупречен, то первые стали бы к нему относиться скептически дочери. Дочери те же воробьи. Их на мякине не проведешь. Любимую женщину можно надуть как угодно, но дочери - другое дело. И тем не менее тарантелла сменилась "утилитаризмом".

Сулейменов. Цветаева пишет: в утилитаризме Толстого - утверждение и требование высоты как первоосновы жизни. Важны уста призывающие. Звучи он не с такой головокружительной высоты, призывай нас любой из нас - мы бы и головы не обернули.

Абалкин. Виржиния Вулф добавляет: если бы Толстой жил в монастырской келье, пусть даже с женой, перестав существовать для так называемого света, то как бы ни поучительна была такая практика, вряд ли бы он написал *Войну и мир*.

Сулейменов. У Платонова есть рассказ "По небу полуночи". В нем Платонов винит себя в том, что он ничему сына не научил. Потому что только любил его, а любви - недостаточно. И как научить - не вполне ясно. Ни Толстому, ни Платонову. Никому. Толстой, казалось, много сделал для этого. И Чехов вот свидетельствует...

Ландсбяргис. Проходит много лет, и "Радио Свобода" передает по-русски выступление любимой дочери Толстого. Призывающей солдат и офицеров Советской Армии следовать подвигу Русской Освободительной Армии.

Сухов. Мой отец был в этой армии. Всю жизнь искал истину, за которую надо бороться.

Сулейменов. Прямо ехать - убиту быть, вправо ехать - богату быть, влево ехать - женату быть. Поеду дорогой, где убиту быть. Съезжу я, полюбопытствую. Как это меня убивать будут.

Сухов. В тексте присяги Русской Освободительной Армии были слова: "Эта борьба ведётся всеми свободолюбивыми народами в союзе с Германией под главным командованием Адольфа Гитлера. Я клянусь быть верным этому союзу". Сначала поддался на провокацию, потом сидел на Колыме. Понял, что посылает снаряды на свой дом. С Колымы присылал деньги семье. Я унаследовал его бойцовский характер.

Абалкин. Толстой встречается в Ясной Поляне с американцем Кеннаном и записывает: очень милый - приятный и искренний человек. Хотя с разделенной перегородками душой и головой. Перегородками, о которых мы, русские, не имеем понятия, и я всегда недоумевал, встречая их. Племянник Кеннана стал главным архитектором холодной войны.

Ландсбяргис. И любимая дочь Толстого, переехав в Америку, обрела перегородки, о которых русские якобы не имели понятия. Толстой ненавидел Шекспира. Завидовал ему.

Абалкин. Именно! "Хаджи-Мурат" написан "шекспировским методом". Шекспир брал чужие произведения и переписывал их под имеющихся в наличии актеров. Английский режиссер Гордон Крэг, поставивший во МХАТе в 1911 г. "Гамлета", утверждает, что авторами многих текстов были именно актеры труппы, в которой служил Шекспир. Он заимствовал не только сюжеты, но и стихи; в "Генрихе VI" Эмерсон насчитал свыше двух тысяч заимствованных стихов. Отсюда, заключает Крэг, сверхъестественное богатство его пьес.

Ландсбяргис. А ваша любимая поэтесса Новелла Матвеева пишет о нем:

Шекспир вторичен. Книжен и не личен.
А некто Смит - первичностью рисуется.
Но кто теперь
(Как ни был Смит первичен)
Первичностью его
интересуется?

Абалкин. Новелла Матвеева защищает цеховое достоинство. Она как и Шекспир - профессионалка. Вирджиния Вулф говорит другое: чем был бы Шекспир без Марло, а Марло без Чосера.

Сухов. Расскажите нам о Шекспире.

Абалкин. Когда Шекспиру было 12, в Лондоне был построен первый театр. Отец английской драматургии Марло был убит, когда Шекспиру было 29. С этого времени стала восходить звезда Шекспира. Марло был воспитанником Кэмбриджа, Шекспир был гастарбайтер. В Лондон он попал двадцати двух лет. В Стрэтфорде осталась жена и трое детей. Устроился конюхом. Присматривать за лошадьми приезжавших в театр джентльменов. Потом помощник суфлера. Следил, чтобы актеры вовремя выходили на сцену. Отвечал

за шумовые эффекты. Потом стал получать маленькие роли. И наконец стал писать для театра. Вёл скромную, бедную внешними событиями жизнь. Снимал комнату. Раз в год навещал свою семью в Стрэтфорде. Оказался тружеником. Репетиции начинались рано утром, опоздавшие подвергались штрафу. После обеда начинался спектакль, играли только при дневном освещении. Вечером и ночью - ученье ролей, писание пьес. За "Гамлета" ему заплатили 7 фунтов. Штраф за игру пьяным был полфунта. Тогдашние 7 фунтов это сегодня 300 долларов. В 35 лет принят в пайщики театра. В 48, накопив на покупку дома в Стрэтфорде, ушел из театра и вернулся в родной город.

Ландсбергис. Кто настоящий автор шекспировских пьес - знала Ахматова. В конце 1945 г., уходя от нее, Исайя Берлин шепнул ей имя.

Абалкин. Именно! Ни при жизни Шекспира, ни в течение полутора веков после его смерти никто не выразил сомнения в том, что он был автором приписываемых ему пьес. Никакой граф не мог быть автором пьес, потому что в Англии это считалось неподобающим занятием, никакому графу такое не могло прийти в голову. Рукописи Шекспира не сохранились, потому что никто, и сам Шекспир, не придавал им никакого значения. Вирджиния Вулф пишет: Шекспир ни во что не ставил славу ("think how Shakespeare cared nothing for fame"). Просто он не мог предположить, что кто-то в будущем о нем будет говорить, нет предмета для обсуждения. В сонетах он нигде не говорит о пьесах, как будто и не писал их. Однажды довольно стыдливо упоминает, что был актером. "Глобус" был общедоступным театром. Зрителями были, наряду с "джентльменами", портовые моряки, бродяги. Завсегдатаи пивных, таверн и других подобных заведений, - те, которых мы сейчас называем "бомжами". Роли Джульетты и Офелии исполнялись мужчинами. Во время представления среди публики разносили еду и напитки. После представления двое актеров в мужских костюмах и двое - в женских платьях исполняли разнообразные танцы. Говорят, что водевиль родился во Франции; все пьесы Шекспира несомненно водевили. "Дуйские казармы для семейных я не забуду никогда". Это предложение Чехов убрал из своей книжки о Сахалине. Убраны "пророческие" слова, поучающие интонации. После Сахалина любая пьеса, которая могла быть поставлена в столицах и иметь успех, воспринималась Чеховым не иначе как водевиль. Другого жанра в драматургии не существует.

Ландсбяргис. Шекспировские пьесы при его жизни занимали по постановкам первое место в Англии и занимают первое место сейчас. Его хорошо знают не только в англоязычных странах. Например, в Советском Союзе. Не значит ли это, что в Шекспире есть что-то бесспорное, великое, неподвластное времени. То, что не сумел оценить Толстой.

Абалкин. Именно! Вирджиния Вулф так и говорила! Я бы сказала что Шекспир обогнал литературу, если бы знала что это такое. Да и Толстой ополчился на Шекспира только потому, что увидел подражания Шекспиру у Пушкина ("Борис Годунов"), у Островского (пьеса о Минине), Алексея Константиновича Толстого (пьеса "Царь Борис"). Подделки под искусство, рассудочно-холодные, ничтожные, ни на что не нужные произведения. Во времена Шекспира главным конкурентом театров были кулачные бои, другие зрелища. Например, травля английским бульдогами быков и медведей. Театр выживал за счет изысканности костюмов. Ставя пьесы из жизни королей. По английскому обычаю люди высокого положения завещают лучшие наряды своим слугам. А те не могут носить такую одежду. Это им не подобает! И они продают её актерам за несколько пенсов. Именно этот английский обычай и лежит в основе шекспировского театра. Чехов говорил: в белокаменной можно поставить Гамлета и Отелло, напирая главным образом на декорации. Культурные люди любят литературу, которая их не беспокоит. Богатство метафор, о котором так много говорят, лишний раз свидетельствует об отсутствии чувства.

Сухов. Букетики-веточки. Хоть немножечко природы в комнате. Расскажите нам о Хаджи-Мурате. На кой пес твои букетики!

Абалкин. Толстой не опубликовал "Хаджи-Мурата". Последние шесть лет держал при себе, не прикасаясь. Не годится. Но ничего нельзя исправить. Шекспиру такие проблемы не знакомы. Тут уже Толстой может позавидовать Шекспиру. (*Кружит вокруг шахматной доски*.) Толстой не понимал, почему король Лир мог поверить словам злых дочерей, с которыми прожил всю жизнь. И не поверить любимой дочери, а проклясть и прогнать ее. И так везде сплошь нагромождения нелепостей подобного рода.

Ландсбяргис. А как же с выступлением любимой дочери Толстого на "Радио Свобода"?

Абалкин. Действия лиц поставлены в трагические положения, не вытекающие из хода событий, а совершенно произвольно. Персонажи постоянно делают и говорят то, что им несвойственно. И ни для чего не нужно. Толстой видит в этом одно из обычных эпидемических внушений. Как вера в чертей или в полезность пытки. Или страсть к тюльпанам. Люди поступают так же, как поступали бы слепые, которые ощупью старались находить бриллианты из кучи перебираемых ими камней. Они долго и много перекладывали бы камушки и в конце концов пришли бы к выводу, что все камни драгоценны. Особенно же драгоценны самые гладкие. Или самые острые. Американский исследователь Блум в фундаментальном труде "Западный Канон" пишет: если ты Толстой, можно, наверное, обойтись и без Шекспира. И мы многим обязаны Толстому, распознавшему истинную природу того, что составляет силу и величие Западного Канона - свободу от морали. И тут можно опять позавидовать Шекспиру, он оказывается - родоначальник силы и величия.

Сулейменов. Чтобы списать на Шекспира бомбардировки Хиросимы и Нагасаки. Этот Блум, наверное, профессор.

Абалкин. После критики Шекспира Толстым англичане - не согласившись с Толстым - установили, что заимствуя у других писателей и переиначивая на свой лад, Шекспир обычно привносил в них бессмыслицу и нелепости, которых не было в оригинале. Потому что не принимал свою драматургию

всерьез и видел в ней только средство к существованию. Шекспира создал каприз Гёте, в пику французской драме и особенно Вольтеру. Немецкие критики и переводчики, а за ними и переводчики в других странах сделали его тем Шекспиром, которого мы знаем. Гёте нелепости трактовал как свободу самовыражения. И приписывал Шекспиру свои собственные идеалы. А потом так стали делать все эти блумы. Шекспир не может быть автором театра Станиславского. Проще говоря, Шекспир - классик изготовления подделок под искусство. Такой классик должен быть, и он есть! Как неотвратимое явление пальмы в зеленой кадке. Ещё Чехов удивлялся: драматургов сейчас пятьсот тридцать шесть, и все они имеют успех. А потом Платонов догадался: хорошая пьеса или плохая - одинаково интересно. Скучных и бессмысленных пьес нет, когда зритель бдительно ищет смысл жизни.

Сулейменов. Толстой и Николай Павлович Гагарин, часто гуляя по Арбату, так и не договорились относительно "Фауста" Гёте. Один объявил "Фауста" подобием искусства, так как оно не связано с чувством, а создано по образцам. Другой - плохим искусством, передающим ничтожные чувства. А общее благо понято Фаустом в столь ограниченном смысле, что фраза "Остановись, мгновение!", если только она не выражает простой усталости, совершенно неуместна. Оба считали, что вывести людей из бедствий может только перемена понимания смысла жизни. Гёте пытался подражать Шекспиру, как он его выдумал, но у него почему-то не получалось.

Сахаров. Его "Фауст" был переработкой пьесы Марло "Трагическая история доктора Фауста". У нас есть перевод Бальмонта. Я знаю об этом от дочери Бальмонта, Нины Константиновны. Она угощала меня каперсами, у себя на даче, у подножия Алчака, в Судаке. Если это можно назвать дачей. В Большой советской энциклопедии написано, что каперсы растут у нас в горных долинах Дагестана. На осыпающихся склонах гор. У Нины Константиновны они росли на дачном огороде. Ну, если считать огород осыпающимся склоном Алчака.

Айдак. Каперсы упоминаются у Гоголя в "Мертвых душах". В повести о капитане Копейкине.

Сулейменов. В петербургском ресторане - при гостинице "Лондон" - он приказал подать себе котлетку с каперсами.

Абалкин. И в рассказах Чехова.

Сахаров. Но Нина Константиновна утверждала, что классики не знали главного - зачем растут каперсы: рюмка водки закусывается одним соленым каперсом! Я пробовал в Нью-Йорке тартар из мраморной говядины с каперсами. Они только назывались каперсами. По сравнению с каперсами Нины Константиновны. В пьесе Марло Фауст продает душу Мефистофелю, чтобы "добыть золотые дары знания". "Проникнуть в тайны природы!". Фауст хотел изменить течение рек, соединить материки, засыпать Гибралтар.

Абалкин. Марло оказался атеистом, и его убили по решению Тайного совета королевы Елизаветы. (*Распутину*) Как можно менять течение рек? Оно установлено Господом. Все реки мимо бога протекают, он в них смотрит, и как в зеркале...

Распутин. ...каждого из нас видит. Когда по утрам я открываю кран в городской квартире - вода застоявшейся пружинистой струей, слепой, затравленной, выфыркивает из трубы, как из преисподней...

Абалкин. Какое уж тут зеркало...

Распутин. Какое попечение? Целение?

Сахаров. Нина Константиновна меня научила, как правильно солить каперсы.

Абалкин. И вот она опять переоделась! Как девушка в саду, вся в белом. Несыгранная роль.

Сухов. Пошла гостя провожать.

Ландсбяргис. И ушла навеки туда, с гостем. Может быть это портрет Вирджинии Вулф?

Абалкин. Именно!.. В театре действует ищущая тоска зрителя, а не умелость актеров и драматургов. Он хочет оказаться в месте каком-нибудь. В Харькове. В кондитерской мадам Пок...

Ландсбяргис. ...и видит там портрет Вирджинии Вулф.

Абалкин. Аделина!..

Сухов. Что-то она задерживается.

Абалкин. Она говорила: я не понимаю, почему всё не так. Почему смерть матери ты начинаешь ощущать через двадцать лет? И тут же: я не признаю безнадежность.

Сухов. Сейчас она уже пожилая женщина. Недавно она сказала: да, я очень породиста. Схожа с мордой меделянского пса. Те же плачевные складки. Обвисшие брыли. Ступит - дак половица гнется, по шкапам посуда говорит.

Абалкин. Когда Толстой говорит, что никакого толстовства, и вообще никакого учения у него не было и нет, он ошибался. Учение - есть. Простой пример. Поступай с другими так, как ты желаешь, чтоб поступали с тобой. То же самое у Конфуция. Которого уважал Толстой. Но Чаадаев говорит: предписание, очевидно, насмешка. Ведь в том, что мы желаем для других, мы всегда учитываем собственное благо. Но Толстой продолжает своё: обокрали народ, а потом закон установили, чтобы не красть. Юридические науки не имеют другой цели, кроме организации насилия. И что устройство жизни, при котором всякое личное благо приобретается страданиями других людей, основано на организации разделения властей. Одни трактуют Библию. Другие пишут законы о собственности. Третьи исполняют. И тогда никто не чувствует противоестественности совершаемых злодейств. Разделение властей - это и есть организация коррупции. Другой пример. Толстой говорит: деятельность православной церкви состоит в том, чтобы всеми возможными мерами внушить 100-миллионной массе русского народа те отсталые, отжитые, не имеющие теперь никакого оправдания верования, которые когда-то исповедовали чуждые нашему народу люди. И в

которые почти никто уже не верит. Часто и те, на обязанности которых лежит распространение этих ложных верований.

Сулейменов. У Платонова: Карл Маркс, как чуждый Саваоф...Следуя Толстому, Гагарин отменил первые три заповеди, как сеющие вражду. Они запрещают других богов, кроме Саваофа. Платонов утвердил отмену, а заповеди с четвертой по десятую заменил на одну: нельзя предпринимать ничего без предварительного утверждения своего намерения в другом человеке. Другой человек незаметно для него разрешает нам или нет новый поступок.

Абалкин. Заповеди, думаю, для Платонова мало значили. Если Толстой служит науке о том, как жить людям друг с другом, то Платонов следует Гагарину: никакими общественными перестройками судьбу человека улучшить нельзя. Человек лишь возможность природы. Ключи находятся у природы. В возможностях природы. В возможности изменения этих возможностей. И тогда соревновательность, частная собственность и разделение властей - обессмысливаются.

Сахаров. Считается, что Толстой шагнул вперед в развитии христианства. По существу он отринул его. Как и другие религии.

Сулейменов. Платонов считал, что религия была полезной рабочей гипотезой в жизни человечества. Она была познанием мира через чувство. И сейчас уже ясно, что действительность не соответствует наивному чувственному представлению о ней. (*Сахарову*) Теперь такой рабочей гипотезой будет опытная наука.

Сахаров. Терпимость - что все религии истинны - указывает на равнодушие, признает ненужность религии. Как ни странно это кажется, говорит Толстой, самые твердые непоколебимые убеждения это самые поверхностные. Глубокие убеждения всегда подвижны. Этим-то и ужасны церкви. Они разделяют тем, что они в обладании полной, несомненной, непогрешимой истины.

Айдак. Толстой заключает "Воскресение" текстами из евангелия. Реакция Чехова: почему из евангелия? А не из корана?

Абалкин. Когда Дягилев просит Чехова возглавить журнал "Мир искусства", Чехов отвечает: как я могу возглавить журнал, в котором начальник одного из отделов - верующий. Речь шла о Мережковском. И дальше Чехов пишет: каждый интеллигентный верующий вызывает у меня недоумение. Когда-то каждый советский школьник знал: Горького избрали академиком, царь признал выборы недействительными, Чехов и Короленко в знак протеста сложили с себя звание академиков. Примерно так все и было. Опускали некоторые детали. Например, что инцидент произошел в феврале, а заявление о выходе из академии в связи с этим инцидентом подано в августе, когда об этой истории уже забыли. Чехов не знал, как поступить, ходил даже советоваться к Толстому. Когда Чехов прочитал у Толстого, что Анна чувствовала, как у нее в темноте блестят глаза, он стал бояться Толстого. Идя к нему долго выбирал брюки: если надеть широкие, подумает, что нахал. Если узкие, то - щелкопер. Толстой сказал: а я не считаю себя академиком. И уткнулся в книжку. Между тем Короленко настаивал.

Сулейменов. А сегодня Солженицын говорит о Чехове: в потемках видит подробности чувств на лице и в жестах, этого - нельзя. За что его тоже выбрали в академики. Академии, из которой вышел Чехов. Не понимаю, как Чехов оказался академиком. Его даже в союз писателей не приняли. Тот же Короленко убедил Чехова, что не состоять в союзе - неприлично. Чехов послал заявление, но ответа не получил. Комитет, по-нынешнему, секретариат, решение которого впоследствие утверждалось общим собранием, был против. В архиве союза писателей отсутствуют только те протоколы Комитета и общего собрания, на которых обсуждалась кандидатура Чехова. Известно только, что тогда членами союза стали известные литераторы Каразин, Лесман, Юдницкий, всего тринадцать человек. В дневнике Суворина указана причина, по которой не принят Чехов: тот описывает своих героев не в том виде, как следует. Особенно всех возмущал рассказ "Мужики".

Абалкин. Сам скандал с выборами Горького возник как раз в тот момент, когда в Художественном театре заканчивались репетиции его первой пьесы "Мещане". На написание пьес его подбил Чехов. Премьера должна была состояться на гастролях в Петербурге. И власти опасались протестов публики в связи с беспрецедентным вмешательством царского дома в дела академии. На генеральной репетиции присутствовал цензурный комитет в полном составе и министры с женами. Были внесены дополнительные поправки, и пьесу разрешили. На спектаклях вместо капельдинеров стояли переодетые городовые во фраках. Их красные руки, не умевшие справиться с билетами, пугали публику. На каждом представлении присутствовала специальная комиссия, которая следила за настроением зрительного зала. Театр предупредили: если комиссия сочтет, что спектакль произвел на публику нежелательное впечатление, он будет последним. И пьеса будет запрещена. В ответ Горький в следующей пьесе, "На дне", вставил в уста второстепенного персонажа, резонера, слова: "надо уважать человека". (*Задерживает взгляд на портрете*) У неё нет личности, оттого она такая неуловимая и непонятная...Есть цензура, нет цензуры - для Чехова и Вирджинии Вулф, похоже, не имеет никакого значения.

Сулейменов. Как фрегат под парусами. Сейчас зачнет палить из пушек.

Абалкин. В июле 1902 г. Горький присылает Чехову для прочтения только что законченную "На дне". Чехов, он еще академик, отвечает: пьесу Вашу я прочел, она нова и несомненно хороша. Второй акт очень хорош. Это самый лучший, самый сильный, и я когда читал его, особенно конец, то чуть не подпрыгивал от удовольствия. Вот тут-то Чехов, находясь под впечатлением, и решил выйти из академии. Загладить "вину". Сам он голосовал на выборах за Мережковского. Я видел этот спектакль. Мне было лет восемнадцать, и я, конечно, ничего не знал об этой истории, о письме Чехова, но финал второго акта, фигуры спящих в пятнах

лунного света, я помню и сейчас...А спектакль "Мещане", поставленный Кедровым, в нём играли молодые актеры, первые выпускники школы-студии МХАТ, - мой любимый спектакль, я видел его многократно.

Ландсбяргис. А как же знаменитый спектакль Товстоногова?

Абалкин. Ужасный спектакль. Я уже говорил: все началось с Чаадаева. В тот момент, когда он сказал: в нынешних книгах нет ответа на сокровенные вопросы человечества. И дальше: фактов давно уже больше, чем нужно, они не так сгруппированы. Чаадаев был человек частный. Писал письма, которые никуда не отправлял. Принимал по средам, затем по понедельникам, вечером, потом утром, с часу до пяти. По нашему днём. Там письма читали, переписывали. Чаще всего адресаты знали о письмах по пересказам. Гоголь приходил, делал вид, что дремлет, по обыкновению, а сам все примечал: лысинка на лбу, морщинки по обеим сторонам щек, привычка распространять копии собственных писем, желание напялить на Россию новую шинель. Так он понял. По наущению Загоскина изобразил Чаадаева Хлестаковым. Который, как и Чаадаев, по замыслу Гоголя, сам почти верит всему, что говорит. И потому заслуживает снисхождения. А мать и дочь Мещерских - предметами его любви. И пронесло! Хлестакова сыграли водевильным шалуном. Княгиня Мещерская была еще в переписке с Александром I. Да и неловко перед Пушкиным, вдруг догадается. Пришлось бежать за границу. И вот, наконец, "Выбранные места из переписки с друзьями" Гоголя: "Лучше ли мы других народов?.. Никого мы не лучше, а жизнь еще неустроенней и беспорядочней". Толстой пишет в 1909 году: причина гибели таланта Гоголя - запутанное и напыщенное учение славянофильства об особенном значении русского, то есть того народа, к которому принадлежали рассуждающие. И вместе с тем особенного значения того христианства, которое называлось православием. Как известно, "все мы вышли из гоголевской шинели": восхищение Розой Люксембург, в "Чевенгуре", очень похоже на чаадаевское "восхищение" Западом. После Чаадаева мне стало понятно, чем занимаются Толстой, Гагарин, Платонов, и почему они точно не "западники", не "славянофилы", не "либералы" и не "патриоты". И почему эти люди чаще всего говорят вещи, существенно отличающиеся от того, чему учат в школах и университетах. Не важно, в физике ли, истории, философии, литературе. Они как бы нецензурны.

Сулейменов. Думаю, такие люди есть не только в России. (*Улыбается*) Например, Вирджиния Вулф. У нас о Толстом цензурно только одно: отношения с женой, и тут соревнуются.

Абалкин. Как это нелепо ни звучит, но я не могу представить себе время, каким бы оно ни было, или писателя, к какой бы школе он ни принадлежал, когда Вирджиния Вулф и Платонов не были бы примером вдохновения и восхищения.

Айдак. Настоящая литература должна существовать.

Абалкин. Товстоногов жил в мире, где все сгруппировано правильно. Всегда требовал обнаружить конфликт. И не угадывал. Ведь "Горе от ума" - тоже о Чаадаеве. Тот вернулся из путешествия из-за границы, а княжна Щербатова, его Катенька, выходит замуж...Самое яркое воспоминание о кедровских "Мещанах" - безмятежный смех Елены - Кошуковой. Натуральный. Несценичный. Просто покой и счастье. В старом номере "Биржевых ведомостей" писали о первой исполнительнице - Книппер: наиболее удалась ей сцена, "в которой артистка проявила редкую способность прекрасно смеяться".

Сулейменов. Софья Андреевна говорила: мы люди простые, крайне односторонние. Я, например, не умею смеяться. И не понимаю комизма, это мой недостаток. А он - вековое явление.

Абалкин. В конце жизни Станиславский сказал: Чехов - самый жизнерадостный человек из всех, кого он знал. Думаю, именно за это его любила Вирджиния Вулф. Когда Чаадаев говорит: мы самой природой призваны, он имеет в виду, что наша история определена одним фактом - географическим. Ничего другого. Предназначен ли этот климат для жизни разумных существ? Он-то и является причиной "умственного бессилия". Принципиальной "неконкурентоспособности" и как следствия - навязанных нам мифов об испытании вер, призыве варягов. Отсюда и слова Гагарина о ничтожности "общественных перестроек". Из России лучше видно истинное положение человека в мире, пишет Чаадаев. Оно не так затуманено искусственными потребностями. Как во Франции и Англии. Что делает там жизнь легкомысленной. В Англии до сих пор напяливают на головы чайники и говорят "я король", удивляется Вирджиния Вулф. Сажают на троны, одного за другим, с чайниками на головах. Германия слишком эксцентрична. Кант, Гегель, Ницше, "Mein Kampf". Чаадаев говорит нам: ни в летописях, ни в книгах нет существенной информации по истории России. Большая ее часть хранится в русской песне. Сейчас она содержится еще и в текстах Платонова. В "Епифанских шлюзах", "Джан", военных рассказах.

Сулейменов. И в текстах Ше́ргина.

Сухов. Расскажите нам о Гагарине.

Сулейменов. Гагарин был "классический" прямой потомок Рюрика. Потомок по мужской линии, двадцать девятое колено: Рюрик, князь Игорь и княгиня Ольга, св.Владимир, Ярослав Мудрый, Всеволод с его византийской принцессой, Владимир Мономах, Юрий Долгорукий, Всеволод Большое гнездо и т.д. Ознакомившись с "варяжским" вопросом, Гагарин установил, что академики-иностранцы, незнакомые с языком страны и с *Начальной летописью*, пользовались знакомыми им источниками - скандинавским, латинским, византийским. Они так и не смогли уяснить, с чем они имеют дело. С народным преданием, поэтической сагой или с известием какого-либо другого рода. Сейчас, когда *Начальная летопись* достаточно изучена, ясно, что сказание о призвании князей не народное предание, а ученая теория книжника. Решительного нормaниста. Возникшая три столетия спустя. Историки всегда выдумывают прошлое, чтобы наилучшим образом воспользоваться настоящим. И потому изучение вопроса нужно начинать с того, почему триста лет спустя так представили себе случившееся. Гагарин был единственный в истории России энциклопедист. Он составил первый каталог книг Румянцевского музея, ныне - Ленинской библиотеки. На

каждой карточке на оборотной стороне он описал содержание книги. Гагарин пришел к выводу: миф об испытании вер, о призыве варягов навязаны Западом. Московская Русь не испытывала чужих вер. Её собственная вера, неотделимая от жизни, подверглась испытанию и выдержала его.

Абалкин. Пушкин пишет: клянусь честью, что ни за что на свете я не хотел бы переменить отечество или иметь другую историю, кроме истории наших предков. Если понимать историю так, как понимал ее Пушкин, то ни Чаадаев, ни Толстой, ни Гагарин, ни Платонов - никто из них - так сказать уже не мог. У них другое представление об истории.

Сулейменов. Для Пушкина Петр Великий - один - есть целая всемирная история.

Абалкин. Толстого Пушкин мало интересовал, он говорил: Пушкин в общем ведь вполне примирялся с этим строем и следовал предписанию графа Бенкендорфа: прошедшее России удивительно, ее настоящее более, чем блестяще. Что же касается будущего, оно выше всего, что может нарисовать самое смелое воображение. Вот точка зрения, с которой русская история должна быть рассматриваема и писана.

Сулейменов. У Цветаевой: Онегина не любила никогда! Когда открывали памятник Пушкину, главным событием было отсутствие Толстого, а не речь Достоевского. Платонов говорит, что история как наука еще не начиналась. Кратко история России уместилась у него в пятом абзаце "Чевенгура", вот он (*читает*): "Через четыре года в пятый село наполовину уходило в шахты и города, а наполовину в леса - бывал неурожай. Издавна известно, что на лесных полянах даже в сухие годы хорошо вызревают травы, овощ и хлеб. Оставшаяся на месте половина деревни бросалась на эти поляны, чтобы уберечь свою зелень от моментального расхищения потоками жадных странников. Но на этот раз засуха повторилась и в следующем году. Деревня заперла свои хаты и вышла двумя отрядами на большак - один отряд пошел побираться к Киеву, другой - на Луганск на заработки; некоторые же повернули в лес и в заросшие балки, стали есть сырую траву и одичали. Ушли почти одни взрослые - дети сами заранее умерли либо разбежались нищенствовать. Грудных же постепенно затомили сами матери - кормилицы.

Абалкин. По сравнению с этой короткой жизнью, говорит Платонов, жизни Христов, Магометов и Будд - насмешка, театральность, напыщенность и скучные анекдоты. Толстой пишет в 1898 г.: если под голодом называть недоедание, при котором люди живут, преждевременно умирая, уродуясь и вырождаясь, то такой голод существует уже около 20 лет для большинства черноземного центра. В этой истории Октябрьская революция неизбежна. Религия Толстого не зависит от существования или несуществования Христа, Будды либо кого-то еще. Она основана на совокупности всей духовной жизни человечества. И больше ни на чем. Чехов приезжает в нижегородскую губернию, и затевает с земским начальником, артиллерийским офицером в отставке, маленькое дельце: так как мужики в голод за гроши продают лошадей, они скупают их и кормят. А весной возвращают хозяевам. Чтобы яровые были вспаханы и не повторилась голодная история. В каждом великом русском писателе мы различаем черты святого, пишет Вирджиния Вулф.

Сулейменов. И Платонов не соглашается с ней: "святость есть утрата жизни, утрата и божественного". Онегина не любила никогда! Строчки Чаадаева "Уж я с другим обручена! Уж я другому отдана!" из повести в стихах "Рыбаки", опубликованной им в 1828 году - слова Екатерины Александровны Щербатовой, обращенные к Чаадаеву - вошли в ответ Татьяны Онегину. Опубликовано в 1832 году. Онегин был плоской пародией на Чаадаева, Пушкин подготовил почву для травли Чаадаева. Чаадаев пишет Пушкину: зачем этот человек мешает мне идти? - это бывает со мною всякий раз, как я думаю о вас. Не мешайте же мне идти, прошу вас. У Платонова: "все царство обветшало от Петра-царя". Платонов говорит: мне давно казалось, что в уме, таланте, силе, храбрости человека есть что-то скверное. Это и о Петре Первом. И о Пушкине, умершим при покушении на жизнь другого человека. И о Гоголе. Гагарин говорит: те бездарные, у которых величие задачи вызывает такие мысли, такие чувства, которые ставят их выше самых даровитых, - они больше делают, чем получившие пять или десять талантов. У Пушкина и Гоголя не было таких задач, у Чаадаева - были.

Айдак. У Платонова же, в другом тексте: Петр I "страшно извел могучие леса, обнажил почву, поверхностный сток воды ничем не задерживался - реки начали засоряться, мелеть и заболачиваться, появилась малярия". При Петре Первом даже в Чувашии все дубы извели - для парусного флота. По 12-15 лошадей запрягали, и дуб волоком тащили к Мочкаушке, из нее в Вылу, оттуда на Суру и в Волгу...Такая была повинность. Кто волочил кряжи назывались лашманы, а впереди шел «кондуктор». Отсюда пошла фамилия Кондукторов. Помню, в детстве, лет 50-60 назад, в своей родной деревне я видел огромные пни, которые свидетельствовали о былых дубравах. Страшные дубы здесь были, в полтора метра диаметром. В наше время в атмосфере что-то изменилось, дубы растить нелегко. Все же сажаем их понемногу.

Сулейменов. Шергин пишет, что указ Петра, повелевающий строить суда по голландскому образцу, имел то последствие, что архангельские поморы-корабельщики остались староверами. Иноземные суда не выдерживали встреч со льдами и стояли по месяцу и по два в Еконской губе до освобождения гирла Белого моря от льдов. Кольской же лодье "некогда глядеть на сей стоячий артикул", ценился каждый день. И хотя дорога и торосовата, но когда то за обычай, то и весьма сносно. Уже в XII веке поморы строили суда сообразно натуре моря Ледовитого. Царский указ оказался бессилен перед ней; постройка лодей совершалась до конца XIX века; они были превосходительны и в морских баталиях.

Абалкин. И выделение ученых в сословие произведено Петром Первым. Именно эта академия и состряпала мифы об истории России. По Толстому учебники истории - это списки лиц воевавших, или производивших перевороты. Что вменяется им в славу. Обязательность обучения этой истории совершенно непонятна.

Ландсбяргис. Чехов говорит о Писареве: развенчивает Онегина и Татьяну, а Пушкин остаётся целехонек! Оскотиниться можно не от идей Писарева, которых нет, а от его грубого тона.

Абалкин. Именно! Писарев относит к искусству театр, музыку, псовую охоту, слоеные пирожки и очищенную водку.

Сахаров. А где соленые каперсы?

Абалкин. Сейчас мы узнали: кто не понимает значения каперсов, - тот ничего не понимает в искусстве. Писарев восхищался старухой, превращающей себя перед зеркалом в художественное произведение. Осуждал в Пушкине нейтрализм, "золотую середину" всеобщего примирения. Видел в этом "ребяческое равнодушие к людям". Чехов называет суждения Писарева об искусстве омерзительными. Толстой говорит: в Писареве хороша смелость, с которой он говорит.

Айдак. Я по образованию филолог, и помню, что Дмитрий Иванович Писарев дал другое определение предлагаемых обстоятельств. Голод и холод! - этими двумя причинами объясняются все действительные страдания человечества, все тревоги его исторической жизни, преступления отдельных лиц, безнравственность общественных отношений. Человек - раб природы; таковы предлагаемые обстоятельства.

Абалкин. В "Доме с мезонином" чеховский герой говорит: проходят сотни лет, а миллиарды людей живут хуже животных, только ради куска хлеба. Голод, холод, животный страх, тяжкий, невыносимый труд, "точно снеговые обвалы" - вот настоящие причины болезней. Если бы мы сообща, миром искали бы правды и смысла жизни, правда была бы открыта очень скоро ("я уверен в этом"), и человек избавился бы не только от болезней, но и от самой смерти. Во время написания "Дома" Чехов общается с Толстым. Пишет: "разговоры наши были легки".

Сулейменов. Гагарин говорит: главный источник зла - не в общественном устройстве - не в природе человека, а вообще в природе. То, что до сих пор придумано людьми для обеспечения своего существования: семья, государство - является различными формами взаимного страхования. Но так как природа не принимала при этом никакого обязательства, такое страхование нельзя считать действительным. Какой-нибудь куриный грипп, - и паника.

Абалкин (*смотрит на портрет*). Якушкина, ей девятнадцать, пишет Чаадаеву, ему тридцать четыре: "Взяв на себя заботу о вашем поведении - за свои грехи должно быть, я не могу, мой дорогой ученик, не обратить вашего внимания на то, что обещание невыполненное - поступок нечестный. Мне надо было видеть вас вчера, но для чего именно - я вам не скажу, чтобы вас наказать...Чтобы вновь войти в милость, пишите мне в деревню, мне это будет приятно. Как ученик - не рассуждайте и повинуйтесь. Таким путем вы заслужите благосклонность и, может быть, даже дружбу". Этот текст очень похож на текст из "Орландо", Вирджинии Вулф. Но написан более ста лет до "Орландо". Жизнь - тяжелая штука. Для женщины это сплошной обман.

Сулейменов. Человек, окруженный неистовством имущих людей, с годами, рассказывая о бедностях, утратах, уже не жалуется, - хвалится ими. Потому что самый незначительный человек, вынесший много горя, становится значительным, заслуженным. Шергин свидетельствует: к двенадцати годам она лишилась родителей и пошла работать на торф. Работала в ямах по колено в воде. Вышла замуж за горького пьяницу, который удавился. Оставил ей кучу детей. Сын пропал в уголовной тюрьме. Теперь живет относительно спокойно, нянчит дочкиных детей. И год от году рассказывает свою жизнь интереснее, вдохновеннее. Когда-то она немногословно вспоминала о том, как умер ее отец: пошел отец-то к утрене, весна была, воды. Он меня крошку на руках нес. А утреню отмолились, и на обратном пути из села в деревню он присел отдохнуть, и умер. Потом все детали выросли, стали знаменательными. Уже отец ея, стоя у заутрени, чует близкий свой конец и произносит мольбу о грядущей судьбе дочери. И наша история пишется опять по кальке с той, которую создали академики-иностранцы. Когда Ленин родился, Маркс стал радоваться о нем, ждать его. Письма посылал Ленина родителям: Володю смеряйте ниткой от катушки и пошлите ниточку мне в письме, я узнаю, велик ли вырос. Ленин писать учился, что напишет - Марксу проверить снесёт. Молоды-то тетрадочки Ленина все марксовой рукой правлены. Есть, показывают в музее за стеклом. Ленин сидит, пишет в кабинете у Маркса, а Маркса дома нет, Ленину и понадобилась небольшая справка. Он к себе на квартиру и сбегал; а Маркс выговаривает ему: ведь у тебя перед глазами мои справочные книги, вот здесь в кабинете. Вас не было, как же я без спросу возьму. Маркс писал в Россию: посылаю вам доверенного человека. - По чему будем узнавать его? - Он со звездочкой придет. Ленин скромной был, узнал, что его в главно место приехали приглашать, в лес убежал, в ельнике спрятался. Его с аэроплана усмотрели, взяли. Смолоду-то откуда придет, после народу, - его разволнует, он сядет, Маркса откроет, почитает, пока сердце не обойдется. Тогда свое опять думает да пишет. К Марксу придут за советом, он в Россию посылат: у меня все на Ленина да на Сталина сдано. Сталин именья не собират, во всем доме ничего нет. Только книги. Пальто-то из году в год все одно, да и фуражка та, все заметили.

Сухов. Старые люди толковали, что ежели лето не жаркое, ненастливое, так и зима будет сиротская. А выходит не так.

акт второй

Та же сцена. Абалкин и Ландсбяргис играют в шахматы. Перед Ландсбяргисом горячая чашка шоколада.

Распутин. Когда читаешь Платонова, видишь совсем другое расположение слов. Он не умеет так природно писать, как пишем мы. Как писали Тургенев, Бунин. Читать его очень и очень трудно.

Абалкин. (*смотрит на портрет*). Обожаю мечтательность в женщине.

Распутин. Приехал я в Братск, недели две пописáл, братчанка одна смутила и я убежал от неё.

Абалкин. Кто такая?

Распутин. Не скажу. Порода другая. Из Литвы. Нам сибирякам любопытно. Я полюбопытствовал и сбежал. Не могу сказать, что Платонова будут читать в XXI веке. Осталась у нас с ней игра не доиграна...

Сулейменов. Природный язык Тургенева, Бунина - это не русский язык, а "литературный" русский. По Платонову - язык господина. Не в силах вынести голую сущность народной речи, разукрашивают её псевдонародными красотами.

Абалкин. Как у Солженицына.

Сулейменов. Господин пишет по словарям.

Абалкин. И все должны притворяться, что это "русский" язык.

Сулейменов. Цветаева о Бунине: холодный, жестокий, самонадеянный барин. Шергин и Платонов писали на русском языке.

Абалкин. Книппер пишет Чехову о Бунине: "И мило, и поэтично, и звучно, а как начинаешь разучивать, разбираться - пусто". Бросилась в глаза какая-то деталь, подметил её и аккуратнейшим образом записал. Дальше этого он не идет. Как Тригорин в чеховской Чайке. Бывает, сорвется с пера точное слово. Цапля взлетает с воды, покачиваясь. Или спаниель бросается в воду за уткой и плывет, изящно поводя головой и отфыркиваясь. Но не более того. Толстой приходит к выводу, что "художественный" способ изложения - баловство. Главное сказать просто и ясно, что нужно.

Сулейменов. И Шергин уже пишет: боюсь закреплять несущественное. А Платонов так определяет "природное" писательство: говорит, что есть, что видит. Получается чудовищно пошло, дурно, смертно. А все верно. Мужик воспринимает природу иначе чем господин. У Платонова живая и литературная речь слились воедино. Даже в "описаниях": у него героиня "ходила и ела по родине, как в пустоте".

Абалкин. Или: "поселился у одной вдовы и постепенно женился на ней". У Толстого это был бы роман, у Чехова рассказ, у Платонова - предложение. Чаадаев говорит: нельзя себе представить ничего остроумнее, искуснее, глубже различных сочетаний, которые народ применяет для выражения тех идей, которые его занимают. Ходила и ела по родине, как в пустоте.

Ландсбяргис. Не природно!

Абалкин. Родина - как пустота; не природно.

Айдак. Не природно.

Сулейменов.

Нет туда пути ни конному, ни пешему.
Только галки там летают бестолковые,
да вороны там суются пустоперые.

Абалкин.

Etho passo tanno hai,
Fai donk to tu do,
Mai to, kai to, lai to see
Toh dom to tuh do.

Эти стихи написаны Вирджинией Вулф на английском языке. И до сих пор никто не смог их перевести на английский литературный.

Сулейменов. И никто не может сказать, говорит Чаадаев, при помощи каких приемов народ создал свой язык. Несомненно, что это ни один из приемов, к которым мы прибегаем при наших логических построениях.

Абалкин. В шестом философическом письме он пишет: имя логика и демократа Аристотеля будут произносить с некоторым отвращением. Имя Магомета - с глубоким уважением. На первого будут смотреть как на ангела тьмы. Который сковывал на протяжении веков все силы добра среди людей. На второго - как на благодетельное существо. Автором неаристотелевой логики считается профессор Казанского университета Васильев, публикация 1912 года. Самый яркий пример неаристотелевой логики - безусловный отказ от насилия.

Сулейменов. В 1921 Платонов записывает: насилие, которое захочет человек применить как будто для удовлетворения собственной свободы, на самом деле уничтожает эту свободу. Ибо где сила - там нет свободы. Свобода там - где совесть и отсутствие стыда за дела свои. Он - толстовец.

Абалкин. А через десять лет он пишет: эволюция, изменение чувства есть! Это тоже Толстой. И еще через некоторое время: любви - недостаточно! Васильев и пришел к новой аксиоматике, анализируя тексты Толстого. У Платонова: Бог есть и Бога нет. То и другое верно.

Сулейменов. И каждый прожитый нами день - гвоздь в голову буржуазии.

Абалкин. Будем же вечно жить - пускай терпит ее голова!

Ландсбяргис. Но в своем предисловии к "Котловану" Бродский пишет, что в структуре русского языка уже заключена философия тупика, и платоновский язык - свидетельство этому.

Абалкин. Именно! Новелла Матвеева говорит о Бродском: менее всего можно сказать, что он поэт, он - шалун.

Сулейменов. Примерно то же самое говорил Платонов: Мандельштам пишет плохие стихи, но это лучше, чем хулиганить в подворотне.

Ландсбергис. Как Роза Люксембург?

Абалкин. Именно! - как Роза.

Сулейменов. Цветаева пишет о Мандельштаме в двадцать шестом году: не-революционер до 1917 г., революционер с 1917 г. История обывателя, негромкая, нелюбопытная. За что здесь судить? За то, что сделал себя героем и пророком - назад? За то, что оплевал то, что, по-своему, по-обывательскому, но все же - любил. Шум времени Мандельштама - оглядка. Ослышка труса. Подтасовка чувств. Впрочем, высказывания Бродского замечательны. "Поймите простую вещь - и это самое серьезное, что я могу сказать - у меня нет ни принципов, ни убеждений". Сказав, что пятьсот тысяч тонн напалма, сброшенные американцами на Вьетнам неприятны, насколько он может судить, России, а все, что неприятно России, следует поддержать. Обеспечив себе тем самым нобелевскую премию по литературе.

Абалкин. У Новеллы Матвеевой:

Нас уверяют, что в нашем лирическом цехе
Некто Бурдской - из огня нам таскает орехи.
Да, он таскает. Однако же не из огня…

Джон Глэд говорит: на издание и распространение российских диссидентов ЦРУ выделяло немереные деньги. Издаются огромными тиражами многотомные сочинения, которые оседают мертвым грузом. Но дают возможность считать себя великим писателем. И что, спрашивает Глэд, я не должен был их переводить? О них писать? Потому что все это оплачивает ЦРУ. Должен, конечно должен! Милый ты мой! (*Делая серию быстрых ходов*) И писать о крестьянах без паспортов при Сталине должен! Но не про сельское крестьянство в Америке, которое держится на рабском труде мексиканцев без паспортов на закрытых плантациях. Это не оплачивается. И поэтому, как считал Исайя Берлин, нет смысла об этом писать. Глэд одно время был даже директором института Кеннана - того самого, который встречался с Толстым. Шолохову не пришло в голову отказаться от нобелевской премии. И он оказался среди буниных, солженицыных и бурдских.

Распутин. Ну, Солженицын пишет в известной традиции...

Абалкин. ...ведущей начало от Козьмы Пруткова. Да, мы знаем. С его максимализмом - "жить не по лжи!"

Сулейменов. ...с его любовью к коренному сочному русскому слову...

Абалкин. ...на "приказчицком" языке!

Сулейменов. Пишет по словарям - и это хорошо!

Абалкин. Варлам Шаламов и все те, кто считает его произведения лживыми...

Сулейменов. ...после "Архипелага" врет как очевидец считается русской пословицей и заграницей её часто употребляют в качестве эпиграфа к романам...

Абалкин. ...ошибаются...

Распутин. Да, ошибаются. Это оригинальные исторические романы.

Сулейменов. В которых история России XX века написана все-таки...

Абалкин. ...в ЦРУ, да еще и изложена с точки зрения Козьмы. Если бы я был учителем литературы, Прутков у меня был бы обязательно. И эпигоны уже не нужны.

Сулейменов. Если вернуться к Аристотелю, то Гагарин объяснял Толстому, что философы отнюдь не высшая ступень, не идеал человечества, а только его одностороннее, уродливое развитие. У них в основании лежат несуществующие понятия - объективно, субъективно. Объективные условия всегда субъективны, а совсем не объективны. Кант и Гегель думают, что любой вопрос может быть решен в кабинете.

Абалкин. И Толстой соглашается с ними: тогда легко выстраивать юридические науки и политическую экономию. Не имеющих другой цели, кроме благосостояния одних в ущерб другим. Или - одних народов в ущерб другим.

Сулейменов. Но он и возражает: в жизни ложь гадка, но она не уничтожает жизнь. Кант и Гегель замазывают ее гадостью, но под ней все-таки правда жизни. Платонов пытается примирить их. Он говорит, что философы ищут такое слово, чтобы действительные люди угнетали прочих не до смерти.

Сухов. Объективные условия всегда субъективны. Значит, законов - нет?

Сулейменов. В первой части своей "Записки" Гагарин пишет: выделение ученых в сословие - к чему все так привыкли - большее бедствие, чем распадение на бедных и богатых. Никому и в голову не приходило.

Абалкин. Именно! Это выделение необходимо главным образом для правильного устройства жизни. В условиях, когда есть неверующие в сотворение мира за шесть дней, есть инаковерующие, необходим внешний дополнительный авторитет. Ученые открывают законы, обладающие замечательным свойством - они не зависят от их сознания. Наполеон попросил математика Монжа вывести демократию из геометрических соображений. Так и оказалось. Но всегда находятся еретики и потому фундаментальные

науки, - именно в их ведении законы природы, они неизменны и не зависят от нашего сознания - требуют особенного внимания. Так как постоянство и неприкасаемость синоним священности. Это и есть тот философский камень, поиском которого занимались много сотен лет. Если других ученых попросить, например, открыть экономические законы, то тогда разрешено насилие против тех, кто нарушает законы, они священны, таково правильное устройство жизни. Если авторитет науки высок, никто не чувствует противоестественности насилия.

Распутин. Значит, "законов" никаких нет. Думаю, не своею волей ходят звёзды.

Сулейменов. И не чувственны они и не животны. И не видят и не смотрят ни на что. Но огонь вещественный. Который ничего не ведает и не знает.

Сахаров. Есть договоренности. Для красоты они называются законами. Договоренности. Когда-то в моде были представления Аристарха, что земля вращается вокруг собственной оси и по орбите вокруг солнца. Потом представления изменились. По Евдоксу все планеты вращаются вокруг земли. Эту систему представлений назвали птолемеевской. Потом вернулись к Аристарху и назвали его систему коперниковской. Любая система с нужной точностью описывает наблюдаемые небесные явления.

Абалкин. И каждая считается независимой от нашего сознания.

Сахаров. Тоже самое с законом сохранения энергии. Никакого закона сохранения, конечно же, не существует. И никому ничего о нем не известно. Но считается, что он справедлив...

Абалкин. ...и не зависим от нашего сознания.

Сахаров. Все коэффициенты в различных формулировках закона получены в предположении, что закон верен. И потому он непроверяем. Ни в каком будущем невозможны доказательства справедливости или несправедливости закона. В некоторых случаях удобней считать, что он справедлив. В некоторых, что нет. Этот вариант физика XX века обычно не рассматривает. Закону сохранения мы обязаны открытию множества, видимо, несуществующих частиц.

Ландсбергис. А правда, что земля не вращается вокруг солнца, а стоит неподвижно? Солнце же и прочие светила суть куски света. Летающие над землей по той причине, что свет не имеет веса.

Сахаров. Ну, этого я не знаю.

Ландсбергис. Я думал, вы будете спорить.

Абалкин. Тоже самое с "законами" себестоимости. Себестоимость пуда зерна зависит от заложенной модели взаимоотношений человека и природы. Какие усилия направлены на неухудшение свойств почвы. Что автоматически включает в себя затраты на соответствующее образование и воспитание. Как пользоваться землей, как относиться к другим людям, т.е. как возделывать землю без угнетения других людей. Как относиться к животным и т.д. В и т.д. входит, в частности, соответствующая модель медицины; никакой независимости от нашего сознания.

Айдак. Толстой говорит: главное же, мучительное - не бедность; унижение...

Абалкин. ...и клевета. Что народ голоден от того, что ленив, пьян. И далее у Толстого: архиреи, цари, думают, что заняты разными важными делами. Они заняты только жраньём. Шайка разбойников.

Сулейменов. Пуд любого товара у ненцев оценивался в рубль. И пуд сала. И пуд шкурок песцовых. И пуд меха медвежьего. Все шло в рубль. Тьма над тундрой. И люди, изгнанные с теплых мест земного шара, пришли туда жить.

Айдак. Напоить пьяным, обобрать, связать и бросить в помойную яму. И говорить, что он ничего не может сам. И вот до чего дойдет, предоставленный самому себе.

Абалкин. Да только перестаньте хоть на один год спаивать его, говорит Толстой, одурять своим образованием, религией, грабить и связывать, и посмотрите, что он сделает и как достигнет того благосостояния, о котором вы и мечтать не смеете. Очень вы, Аделаида Александровна, ненаглядны!

Сулейменов.

Интересная походочка у дроли моего,
Идет на горочку в наклоночку:
За то люблю его.

Абалкин. В настоящее время термин экономические законы означает законы рынка. Из-за разности естественных условий жизни - плодородие почвы, климат, приморское положение с незамерзающими гаванями - те, у кого условия хуже, неконкурентноспособны и автоматически попадают понятно куда. Однако никакого "рынка", "свободной торговли" нигде и никогда не было и при равных условиях жизни. Захват земель, объявление их своей собственностью, сдача их в аренду, так чтобы арендная плата обеспечивала их охрану и юридическую защиту, а также максимум наслаждений - таково изначальное устройство "рынка". Законы такого рынка - естественно, "независимые" от нашего сознания - и изучает наука политэкономия. В соответствии с ее рекомендациями сейчас наиболее эффективный метод установления себестоимости основных видов сырья - бомбометание. Если принять себестоимость бочки нефти без бомбометания за единицу, то при бомбометании или при угрозе бомбометания она стоит в пять раз дешевле. На содержание армии идет двадцать пять процентов с каждой бочки и пять на содержание администрации той страны, которую бомбят или собираются бомбить. И в результате при бомбометании нефть оказывается в два раза дешевле, - Кант прав: в политэкономии столько науки, сколько в ней математики. Ускользающие же от контроля отклонения от назначенных таким образом цен называют свободной торговлей. Точность, внезапность и эффективность бомбометания обеспечивает математика -

криптография, небесная механика и гидродинамика. По существу ничем другим, утверждает известный академик Арнольд, председатель Московского математического общества, авторитетнейшего сообщества математиков, она не занимается. Организацией коррупции ведают независимые фонды по распространению демократии.

Сулейменов. Во времена Аристотеля демократия не была лицемерием, как сейчас. Законы распространялись только на действительных людей. Дант предавал казням своих врагов и не очень ревностных друзей в воображении.

Абалкин. Потому, что не обладал возможностью, как Ньютон, казнить их в действительности...В последние века Англия внесла наибольший вклад в развитии лицемерия. Роман Оруэлла "1984" - это описание именно английского лицемерия и ханжества. И трактовка Оруэллом своего романа - образец этого лицемерия. Он приписывает социализму чисто английские черты.

Ландсбяргис. Оруэлл говорит, что точка зрения Толстого на Шекспира ничтожна.

Абалкин. И объясняет: потому что Шекспиром восхищался сам Карл Маркс! Англичане же изобрели главное средство духовного и морального перевоспитания. Концлагеря - изобретение лорда Китченера; было опробовано в Южной Африке, при усмирении буров; потом в США, и далее - на оккупированной англичанами и американцами территории России. Они вошли чтобы защитить союзников-россиян от захвата и расчленения России Германией. В 1918-20 в созданных ими концлагерях содержался каждый шестой житель. В конце мая 1919 англичане впервые на Севере применили химические снаряды. В первом же бою на Пинеге их было выпущено свыше двухсот. Позже, в сентябре, капитан Оливер Брайсон по заданию Черчилля сбросил фосфорные бомбы. Дождавшись благоприятного ветра Брайсон запуском ракеты дал сигнал о начале бомбежки и четыре самолета сбросили опять же около двухсот бомб, упавших с наветренной стороны села. Именно за эту операцию Черчилль получил нобелевскую премию...

Ландсбяргис. ...по литературе.

Абалкин. Хотели - мира, но Черчилль попросил - по литературе. Капитан остался без премии, потому что один из четырех DH9 был подбит.

Сулейменов. Шергин был мобилизован на работы, проводимые интервентами в Архангельске, и на них потерял правую ногу. И пальцы левой ноги. Пришлось отказаться от любимой, помолвленной с ним Машеньки.

Абалкин. Черчиллю пришлось убраться из-за внутриполитической обстановки; демонстраций "Руки прочь от России!". И недовольства военных, испуганных наступающей зимой. Потом управление лагерями было передано подготовленным на опыте США троцкистам. Приехавший из США десант Троцкого возглавил это дело в России.

Сухов. Платонов, кажется, присутствовал на процессе по делу троцкистов-зиновьевцев.

Абалкин. Да. Внимательно всматривался в обвиняемых. Удивлялся их бессмысленному идиотическому лексикону. Не мог понять, как они выносят самих себя. И хотя уничтожение этих особых злодеев казалось естественным делом, он не хотел их умерщвления. На том свете и люди есть, они жили и погибли от смерти, не стоит поганить его выродками. Пусть мучаются здесь. Платонов говорит: проект нашей революции был совсем другой, но потом "литераторы" возобладали.

Ландсбяргис. Ленин в анкетах, в графе профессия, писал - литератор.

Сахаров. У Нины Константиновны я познакомился с местным врачом, Василием Васильевичем Леонтьевым. Он окончил (*Сухову*) ваш, харьковский университет, участвовал в гражданской войне. То за красных, то за белых. Врачом. Рассказывает: иду с белыми, остановились на привал, снял дыню, очень любил дыни, съел, меня сморило, просыпаюсь, здесь уже красные. Приводят меня к чекисту. Вижу там своего университетского профессора. Как он здесь оказался, не знаю. Чекист выясняет, что он профессор, а я его студент. Спрашивает профессора: как вы относитесь к советской власти? Тот отвечает: с омерзением.

Ландсбергис. Как Чехов к Писареву.

Сахаров. Кажется, всех расстреляли. Кроме них двоих. Чекист сказал: они не представляют никакой опасности. Не врут. Говорят, что думают. Идет с красными. Привал. Снял дыню, просыпается - здесь уже белые, причем другие. Потом участвовал в Отечественной, на передовой, врачом. Когда я с ним познакомился, он был пенсионером, пенсия 71 рубль. У врачей небольшие зарплаты. Приходят к нему из военкомата, говорят: вы очень заслуженный человек, приходите к нам с фотографией, мы вам выпишем карточки, будете получать дефицитные продукты. Он отвечает - ему уже далеко за восемьдесят: если я такой заслуженный, придите, сфотографируйте и принесите карточки. Так и остался без карточек. Чем, говорит, мне не нравились белые: как входим в населенный пункт, сразу на площади начинается порка всего населения. Так и стоит эта картинка перед глазами: белые - это всегда порка.

Абалкин. (*делает ход*). Сейчас место Англии заняли США. Американский антрополог, Клиффорд Гирц, удивляется щедрости, загадочным источникам финансирования, и еще более таинственным задачам Центра международных исследований Массачусетского технологического института. Ведь он, Гирц, занимается всего лишь полевыми работами. Изучает как индейцы племени блэкфут приучают лошадей к поводьям. Религиозной жизнью в заброшенном индонезийском городке. Рынками. Мечетями. Выращиванием оливковых деревьев, и устной поэзией Марокко. Марабутами. Городской планировкой. Монархией. Рынком велосипедов. Петушиными боями, принесшими ему всемирную известность. Зачарованная жизнь в зачарованную эпоху. Неплохо оплачиваемая. Отмечает: благодаря сброшенной атомной бомбе на Японию. Его несколько смущают довольно скромные результаты антропологов. Они установили, что немцы авторитарны. Русские агрессивны. Американцы оптимистичны. А японцы

руководствуются чувством стыда. Но он внес вклад. Он доказал, что изучение культур чужих народов связано с пониманием того, что они думают о себе, о своей деятельности и о целях этой деятельности. И теперь американцы, в соответствии с целями Центра международных исследований - минимизация затрат на содержание демократических элит нужных стран - организуют гранты, оплачивая те исследования, в которых ученые начинают правильно думать о своем народе, его деятельности и целях этой деятельности. Благодаря трудам Клиффорда Гирца, великого ученого-антрополога.

Сулейменов. Платонову было восемнадцать, когда это случилось. Он набрел на столб на дороге - и больше не мог его забыть. Он понял этот столб, как нужно по-настоящему понимать человеку все вещи в мире. И уже не мог забыть пустынной дороги и старого изгнившего столба на ней. Не мог больше ходить, есть и думать. Ходил туда каждый день.

Абалкин. У Вирджинии об этом: ужас по ночам из-за того, что во Вселенной все неправильно.

Распутин. В случае Платонова, привязки к эпохе кажутся несущественными не потому, что они лишены смысла. А потому, что они совершенно не позволяют понять, почему в эту эпоху так писал только Платонов.

Сулейменов. Потом забылся в свирепой работе. И каждой рытвине, каждому столбу он говорил: я возвращусь. Мир, таким как он есть, он быть не должен и не может. Ничего нельзя забыть и оставить. Что было дорогим, заветным в молодости, к старости иногда кажется игрушками. А под конец видишь, что нет - не игрушки. В 1943 году, вернувшись в освобожденный Воронеж, он записывает: умершие будут воскрешены, как прекрасные, но безмолвные растения-цветы, а нужно, чтобы они воскресли в точности, конкретно. Как были. Молодое осталось главным навсегда. Про душу нельзя сказать, что она старуха.

Ландсбяргис. "Джан" я не смог дочитать до конца. Начинал несколько раз.

Абалкин. Не читать его трудно...

Сулейменов. В "Джан" изложена всемирная история. Но это не та история, которую преподают в школах и университетах. Поэтому тексты Платонова трудны, особенно для людей с хорошим гуманитарным образованием. В лучшем случае они им ничего не говорят.

Абалкин. Сам он считал, что существующее искусство все-таки работа ложная. Слишком много того, что хитроумно содержится в нем ради подавления людей. (*Смотрит на портрет*.) Без Вирджинии Вулф не было бы ни Борхеса, ни Маркеса. Были ли бы провинциальными писателями.

Сулейменов. Решающие жизнь истины существуют тайно в нечитаемых и забытых книгах. После революции 1905 года появилась возможность, и был издан Чаадаев, запрещенные ранее тексты Толстого и "Записка" Гагарина. Платонов был единственным, кто их прочитал. Не знаю другого случая, когда решающие истины восприняты в столь молодом возрасте.

Абалкин. В результате стали бродить среди людей новые конструкции мировоззрений и стал возможным Всемирный Конгресс.

Сулейменов. Иначе нам не было бы о чем говорить.

Абалкин. Борхес стал Борхесом, переведя ее роман "Орландо". Из строк Вирджинии "Она различала каждый комочек земли на клумбах, будто в глаз ей вставили микроскоп. Она различала хитросплетения веток на каждом дереве. В каждой былинке, в каждом цветке различала она все лепестки и жилки...Такое сильное напряжение невозможно было долго выносить без муки" Борхес создал свой "Алеф"; скрыв ее под именем Беатрис Витербо. Теперь, когда она была мертва, он мог посвятить себя ее памяти без надежды, но и без унижения. Вирджиния, Аделина Вирджиния, Аделина Вирджиния Стивен, любимая моя Вирджиния, навсегда утраченная Вирджиния, это я, Борхес. Из описания Великого Холода, грозовой тучи, изменившей устройство Англии, рукописи поэмы "Дуб", над которой Орландо работала триста лет, вышли "Сто лет одиночества" Маркеса.

Сулейменов. Будущее когда-нибудь станет прошлым, и когда времена перепутаются, Платонова отнесут к XXI веку, а XX окажется веком Вирджинии Вулф и Марины Цветаевой, или просто женским веком.

Как два костра, глаза твои я вижу,
Пылающие мне в могилу...

И не без основания...Гагарин часто бывал в Воронеже. Останавливался в слободе Троицкой, у Веры Матвеевны. Трижды в день его можно было видеть идущим на реку купаться. Здесь же состоялось и первое публичное обсуждение его идей. Газета "Дон" опубликовала письмо известного писателя Достоевского местному городскому судье третьего участка надворному советнику Петерсону. Снабдив его обширным предисловием, написанным самим Гагариным.

Айдак. Законов нет. Но в каждом обществе, говорит Толстой, всегда существует высшее на данное время понимание смысла жизни. Оно и определяет стремления общества. Это понимание всегда ясно выражено некоторыми людьми этого общества и более или менее живо чувствуется всеми.

Ландсбяргис. А если и понимания нет?..Если его действительно нет.

Айдак. Если нам кажется, что такого понимания нет, то это не потому, что его нет, а потому что мы живем другой жизнью, противоположной этому пониманию.

Сулейменов. С поправкой Гагарина: люди в отдельности не могут быть мудрецами.

Абалкин. Чехов говорил: спасение в отдельных людях, разбросанных там и сям. У Толстого - неаристотелева логика. Безусловный отказ от насилия. Самые жестокие дела происходят не от

воображаемого разбойника, а от тех людей, которые основывают правила жизни на нелепой фикции воображаемого разбойника. Эти правила жизни и рождают разбойников.

Ландсбяргис. Относительно толстовской теории Чехов говорил: с этим нужно хорошенько разобраться. А пока нельзя говорить ни за, ни против.

Абалкин. Говорил. А потом изменил свое мнение. У Чехова каждый год менялось выражение лица.

Сулейменов. И потом на подобные вопросы может быть не два ответа - да или нет, а три: да, нет, или мы чего-то не понимаем. В данном случае вопрос совсем не в том, может ли непротивление стать общим законом для всего человечества - так трактуют профессора некое "толстовство" - а в том, что должен делать каждый по выходе отсюда из дверей.

Абалкин. Судебная система действует так: если действительный человек совершил преступление, то никаких доказательств всегда будет недостаточно; если прочий человек совершил преступление, то достаточно любого доказательства, чаще всего подстроенного. Действительный человек может быть осужден только в том случае, если этого захочет человек более действительный. Система должна быть сложной, т.е. она должна демонстрировать в любом случае торжество правосудия.

Ландсбергис. Но понимания - нет! Толстой: добро есть вечная, высшая цель жизни. Чехов: цели может быть нет.

Сулейменов. Есть бесконечность путей. А мы идем только по одному. Другие пути лежат пустынными и просторными, на них никого нет. А мы идем смеющейся любящей толпой по одной случайной дороге.

Абалкин. Если нет разделения властей, говорит Толстой, возможность праведного решения выше. Мы знаем людей, живущих земледельческим трудом, которые перестали есть мясо только потому, что им приходилось самим убивать своих животных. При отмене священности частной собственности на землю и принципа разделения властей, а значит, и основания для коррупции, число "разбойников" упадет на порядки. Изменится и сам характер преступлений. Преступление будет иметь одну форму: непроизводительные потери энергии.

Ландсбергис. Гагарин предложил признать целью человечества достижение бессмертия. Но у Толстого и Платонова есть сомнения.

Сахаров. Гагарин по идее должен бы быть для Толстого современным Лао-цзы. И Лао-цзы и Гагарин были библиотекарями. Но Гагарин был противоположностью Лао-цзы. У Лао-цзы главной добродетелью было не-делание, а у Гагарина...

Айдак. Идея добра вызывала неприязнь Платонова. У него вообще была аллергия к таким вещам, как "идеалы", "духовность".

Абалкин. Как и у Чехова.

Ландсбергис. Чехова никто не любил. Цветаева говорила: ненавижу Чехова с детства! А Ахматова: селедкой пахнет! У Толстого что считается beau, то и beau: так думают и Репины, и Чеховы. И что у Чехова нет ничего за душой. И это ему мешает властвовать над умами современников.

Абалкин. Именно! Толстой так и говорил: я его люблю, но не понимаю, зачем он пишет пьесы. Обыкновенный автор на сто процентов знает, что хорошо и что плохо. Чехов же - только на пять процентов. Он считает это знание бесценным, но понимает, что это только пять процентов. Люди в отдельности не могут быть мудрецами. Победное шествие пьес Чехова объясняется тем, что актеры в них не связаны сомнительными ста процентами, они погружены в "нормальный" мир. Зинаида Гиппиус считала, что слово "нормальный" придумано точно для Чехова. У него и наружность нормальная - ни одной женской черты. Нормальный провинциальный доктор, с нормальной степенью образованности и культурности; грубоватыми манерами; что тоже нормально. Даже болезнь его была какая-то "нормальная". Платонов умер от той же болезни. О трактате Толстого об искусстве Чехов судил по выдержке, напечатанной в "Новом времени" и беседе с Толстым в клинике, где лежал Чехов. Сделал нормальный вывод, что Толстой - просто сердитый старик. Повторяет то, что все умные старики разводили на бобах во все века. А потом прочитал трактат, и испугался: что будет, если Толстой умрет. (*Делает ход*.) "Чайка" и другие пьесы - это биография. В "Трех сестрах" он изобразил Книппер бароном. Тот был немцем, но считал себя русским, православным, а Книппер торопила с венчанием. Как Чебутыкин, он всю жизнь любил замужнюю женщину, и имел книжку, куда записывал все замечательное. Что Бальзак венчался в Бердичеве. Как Андрей, он тоже не стал профессором. "Вишневый сад" был продолжением бесед с Авиловой. Он отвечал ей со сцены в "Чайке", был ветеринаром в "Душечке" и уехал от нее вместе с полком. Уехал навсегда, так как полк перевели куда-то очень далеко, чуть ли не в Сибирь. В "Трех сестрах" он ее обвинял: она вышла замуж без любви. Как Протопопов, он катался с ней, правда, не на тройке. На извозчике. И писатель Потапенко кричал ему: вот так кавалер! И снова уходил от нее вместе с бригадой в Царство Польское или в Читу. В "Вишневом саде" он пророчествовал, что ее муж умрет от шампанского, а ее имение продадут с молотка...Когда-то, очень давно, случилось так, что Авилова и Книппер играли в одном любительском спектакле. Ставили пьесу: "Странное стечение обстоятельств". В пьесе было две Софьи Андреевны, одну играла Авилова, другую - Книппер. Режиссировал Рощин-Инсаров, он предсказывал Авиловой блестящее сценическое будущее; Книппер была очень незаметной, застенчивой и молчаливой. Говорили, что у нее строгий отец. Они попытались познакомиться домами, но это не вышло. В 1937 году Авилова была уже стара, глуха и глупа, - так она пишет о себе. Жила в комнате на пятом этаже с внуком Мишей. Она же и кухня. Вспоминала Анфису из "Трех сестер". Как та говорила: отродясь я, грешница, так не жила. Цельная комната и кроватка! Проснусь ночью - Господи, Матерь Божия, счастливей меня человека нету. Это Чехов ей - вдогонку.

Сулейменов. С людьми надо водиться как с детьми.

Абалкин. Система Станиславского - прямое следствие трактата Толстого. У него в "Плодах просвещения" есть барыня. Ее играла Лидия Михайловна Кореневa. Даже по ремаркам Толстого видно, что барыня глупая, второстепенный, комедийный персонаж. Движения же Кореневой были значительны, переживания - настоящими. Буфетчик Яков чуть не заморил собачку, которая ему ничего не сделала. Дочь заказала у Бурдье неприличный костюм, и придется самой ехать к Бурдье и переделывать весь лиф. По её дому разгуливают мужики из Курской губернии, где повальный дифтерит. Вчера утром она прогнала их из передней, и пришлось перемыть все, чего они касались, на бутылку воды столовую ложку салициловой кислоты. Но вот они уже в кухне, и видно, что всякая складка у них полна микробов. Микробы скарлатины, микробы оспы, микробы дифтерита, все назло, все назло, а ее муж, отец семейства, сколько раз я его просила не распоряжаться в доме, знает только свои глупости, бог знает что такое, - угадывание мыслей, этот медиумизм, вздор, а дом на мне, все они хотят свести меня в гроб, смотрите: у этого сыпь на носу, сыпь, он больной, он резервуар заразы, ведь я вчера говорила, чтоб их не пускать, а вот они опять тут. Страдания Кореневой связывали её со всеми зрителями. Ведь все рождаются, любят, умирают. Когда сокрушаются о страдании добрых - это понятно, но здесь не было и благоденствия злых. Спектакль, поставленный учеником Станиславского Кедровым, плавно перемещал нас из толстовской системы координат в чеховскую, где все не так определенно. У Чехова всегда есть вопросы, на которые нет и, может быть, не будет ответа, и есть вопросы, которые мы не в состоянии даже сформулировать. Вот почему его не любят. Толстой говорит, что Чехов хотел проклясть Душечку, а получилось - благословил. Вряд ли Толстой прав - что хотел проклясть - но то, что Толстой хотел посмеяться над барыней, а Коренева видела в ней что-то другое... Чего Толстой не видел. И сейчас уже можно сказать, он и не представлял возможностей театра. Написав в своем трактате: понять другого! - спровоцировал создание системы Станиславского. Увидев на сцене Кореневу, я узнал, что это такое. Я ходил и ходил на этот спектакль...как Платонов к старому изгнившему столбу.

Сулейменов. Ну, если бы Платонов не прочитал Гагарина, столб ничего бы ему не сказал. Или: Платонов ничего бы в нем не увидел.

Абалкин. У меня было все наоборот. Я шел по Кузнецкому мосту, мимо книжного развала, и взгляд случайно остановился на "Что такое искусство" Толстого. Если бы я не видел Кореневу в "Плодах просвещения" мне никогда не пришло бы в голову купить трактат Толстого; сегодня мне это абсолютно ясно. И я не прочитал бы его. И каждые десять лет не перечитывал бы. И не прочитал бы других главных книг Толстого, и думал бы, что Толстой написал "Войну и мир". Герой "Плодов просвещения" профессор Кругосветлов точно знает, что в промежутках частиц эфира находится другое, еще более тонкое, чем эфир, невесомое вещество, не подвластное закону трех измерений.

Айдак. Считается, что прототип профессора Кругосветлова - академик Бутлеров; известный химик.

Абалкин. Считается. Предыстория такова: в Париже какой-то фотограф был осужден за мошенничество. Он вызывал покойников и фотографировал их. Заказов получал пропасть. Его накрыли. Он во всем сознался и на суде представил даму, которая изображала вызванные тени. Те, которых он обманул, не поверили суду. Один из них сказал: у меня умерло трое детей, а их портретов не осталось; фотограф снял с них карточки - все похожи, я всех узнал, какое мне дело, что он сознался вам в плутовстве, у меня в руках факт. Спиритизм стал распространяться в России с начала семидесятых годов, на глазах Толстого. Все газеты писали о сеансах братьев Эдди из штата Вермонт. Активным распространителем спиритизма был Бутлеров. По предложению Менделеева была организована комиссия для исследования медиумических явлений. Комиссия убедилась в мошенничестве, Менделеев прочитал цикл публичных лекций. Достоевский удивился лекциям Менделеева: тех, кто верит в спиритизм - ничем не остановишь, своими лекциями Менделеев добился только того, что он уже никогда не станет академиком. Там такое не прощают. В рукописях профессор назывался Кутлеров или Кутлер. Однако из-за Бутлерова выглядывает Ньютон. Бог, по Ньютону, присутствует как в пространстве, свободном от тел, так и в телах. Допущение пустого пространства и гравитационных сил, действующих на расстоянии через пустоту, объясняло таинство евхаристии. Так что профессор Кругосветлов имел уже все основания сказать: "как математические вычисления подтвердили неопровержимо существование невесомого эфира, дающего явления света и электричества, точно также блестящий ряд самых точных опытов гениального Германа, Шмита и Иосифа Шмацофена несомненно подтвердил существование того вещества, которое наполняет вселенную и может быть названо духовным эфиром". "Частицы этого духовного эфира суть не что иное, как души живых, умерших и неродившихся".

Сулейменов. Гагарин наверное воспринял это как непонимание Толстым его проекта; как какого-то метафизического вздора.

Сахаров. Совершенно не важно, возможно ли осуществление проекта Гагарина. Это правильная постановка вопроса. Поставив целью воскрешение погибших от смерти, мы узнаем, в какой степени мы способны управлять природой. Сама идея - изобретение, родственное компасу.

Айдак. В связи с чем произошли некоторые изменения в представлении о добре и зле.

Сулейменов. Толстой скептически относился к проекту. Проблема была в том, что Гагарин настаивал, что православие есть долг воскрешения. С другой стороны, он говорит: в его проекте воскрешения преждевших предков нет ничего мистического. И нужно произнести строжайшее осуждение на иносказание, метафоры, символы, аллегории: в них учение о воскресении имеет самых страшных врагов. Нужно твердо установить, что дело воскресения совершается в посюстороннем мире; мистицизм есть

принадлежность еще не дозревших народов, или же народов отживающих, отчаявшихся. Для Толстого очевидно: привязка проекта к православию ставит крест на самом проекте.

Распутин. Были и другие причины. Что касается Гагарина, то причина, по которой он совершенно неизвестен, проста. Гагарин, а до него Герцен, считали марксизм разделом иудаизма. А ведь Гагарин умер в 1903 году. До всех революций.

Сулейменов. Но и Гагарина можно понять: где же ему распространять свои идеи? Народ малограмотен. Если в России - только в среде православных.

Абалкин. Но господа, говорит Толстой, в своей массе безграмотнее народа. Их так называемая грамотность нужна им только для сокрытия своей безграмотности. Вот и Вирджиния Вулф говорит: в Англии очень модно быть специалистом по древней Греции. Но никому из них не известно ни точное произношение древнегреческих слов, ни где надо смеяться по ходу греческой драмы. И поэтому в английском парламенте вскакивают одновременно голося хором - по указке своего генерала.

Сулейменов. Это потому, объясняет Платонов в "Котловане", что сегодня центр личной жизни перемещается на Организационный Двор, который в наше время может быть оборудован и в помещении со скамейками...

Абалкин. ...и в нужных местах речи активиста все встают 68 раз: всегда, когда слово начинается с какой-нибудь буквы. Например, f (freedom), если это конгресс США и роль активиста исполняет президент. А в 1958 году, когда в Лондон приехал МХАТ, великий английский актер Лоуренс Оливье убедился, что они не знают где надо смеяться и в чеховской комедии. Но здесь дело не только в том, что они англосаксы. Пьесы Чехова стали теми пьесами, которые мы теперь знаем, благодаря актерам МХАТа; Савицкой, Книппер, Лилиной, Кореневой, Добронравову, Василию Александровичу Орлову, Владимиру Александровичу Попову, Яншину, Болдуману, Вере Николаевне Поповой, Ливанову, Ленниковой, другим. Спасение в отдельных людях, разбросанных там и сям. Актеры Станиславского и были теми отдельными людьми.

Сулейменов. Гагарин видит истоки своих идей в раннем христианстве. Толстой же не считал писания евреев, соединенные в Библии, священными книгами. Гагарин говорит в IV части своей "Записки": Библия - книга хотя и священная, но все-таки книга. Она не уничтожает разделения, не дает возможности понимания друг друга. Здесь конечно явное влияние Толстого.

Абалкин. Еще раньше об этом говорил Чаадаев: проповедь, переданная в Писании, обращена к присутствующим. И при записи текстов пропали интонации. Что можно найти в этих страницах, которые столько раз искажены различными толкователями. Столько раз сгибались по произволу. Обнаружились места, в которых нет и двусмысленности: "За то и я посмеюсь вашей погибели; порадуюсь, когда придет на вас ужас"! Воображают, что стоит только распространить составленную церковью книгу по всей земле, и земля обратится к истине. Жалкая мечта! Библия переместилась в раздел плохой литературы, ее стали читать другими глазами. (*Делает ход*.) Когда я слышу это место из Библии - порадуюсь вашей погибели - всегда вспоминаю нашего члена политбюро Александра Николаевича Яковлева. Он у меня всегда ассоциируется с Библией. Наверное это наваждение. Когда Яковлеву стукнуло 37 лет, он решил заняться литературой. Написал "10 рассказов об Америке" и опубликовал в 1960 году, по знакомству, в литературно-художественном журнале "Стрелка". В Америке он оказался по обмену студентами; считалось, что его можно принять за студента. Рассказы были написаны по методу социалистического реализма. Писал Александр Николаевич только о том, что сам видел. Если он видел корову, так прямо и писал: корова. Александр Николаевич Яковлев сам видел, как американцы смеются над картинами гибели детей, женщин и стариков в атомном смерче Хиросимы. Он сам видел все эти надписи: школа для белых, для черных, вход только для белых в стране с самой демократической конституцией. Его вызвали и спросили, чего он хочет. Он прямо сказал: хочу степень. Так Александр Николаевич стал кандидатом исторических наук. Основные положения диссертации опубликованы им в журнале "Стрелка" и в статье "Империализм грабит народы колоний, зависимых и слаборазвитых стран" в газете "Красноярский рабочий". Думаю, вот-вот станет академиком.

Сухов. А есть у нас другие академики?

Распутин. Я знаю нескольких. Все они яковлевы.

Сулейменов. Несгибаемые приверженцы науки.

Распутин. Яковлевы, примаковы, какая разница? Ни принципов, ни убеждений.

Сахаров. Бывает. Наличие в академии, в качестве примера, Пуанкаре или Колмогорова даёт возможность академии состоять почти сплошь из яковлевых. Чтобы не допускать в академики Менделеева или Марию Склодовскую.

Сулейменов. Попытка Гагарина доказать, что сущность православия заключается в долге воскрешения, отвратили от его проекта как верующих, так и неверующих. Принятие проекта - это выход из храма, упразднение сословия священнослужителей. Гагарин хвалит православную церковь за отсутствие лицемерия: уже не скрывают, что храм и служба имеют главною целью приобретение денег. И далее: Библия оказалась всего лишь книгой, пропитанной ненавистью палестинских апокалипсисов.

Абалкин. Родоначальницей расизма. Есть же глупцы, удивлялся Чаадаев, которые без труда находят способ придерживаться буквы даже Писания.

Сулейменов. Толстой утверждает: Апокалипсис - самая пустая и бестолковая книга из всех книг Нового Завета.

Сахаров. Сомнения Толстого могут распространяться и на самого Толстого. Он сам же установил, что все те разбросанные по разным книгам Писания места, в которых предписывается и угнетать, и убивать, и истреблять другие народы, при том говорилось: не убей, и сделал вывод, что в этом суть противостояния добра и зла в течение многих сотен веков.

Айдак. Или это изменения в представлении о добре и зле.

Сахаров. Но проповедь любви, добра - это западня. Как всякая проповедь. Добро, зло, человечность, все эти глупости...

Абалкин. Именно! Все это пустое, никчемное, не имеет никакого отношения к реальности. Слова. Добро есть цель жизни - это всего лишь слова. Влияние философов. В XX веке олицетворением добра стала Америка. По Платонову, в его "Ноевом ковчеге" - самого мирного, самого боголюбивого народа на земле.

Сулейменов. Почувствовав необходимость немедленно доставить себе какое-либо удовольствие, - они делают это!

Абалкин. Чаадаев говорил, что настоящих противоречий с Писанием, противоречий поражающих, здесь нет: христианство, достигшее того положения, в каком мы его ныне видим. Платонов заключает: зло и добро теперь могут являться в одинаково вдохновенном, трогательном и прельщающем образе. В этом есть особое состояние нашего времени; которое было прежде неизвестно и неосуществимо. Прежде человек мог быть способен к злодеянию. Но он его чувствовал как свое несчастье.

Сулейменов. И учение Толстого, и учение Гагарина требуют такого добра, которое не нуждается в зле. Добро без зла находится и вне зла и вне того добра, которое не может быть без зла.

Сахаров. И культ предков - западня. Мало ли у предков того, от чего надо отказаться. И вообще привязка к какой-нибудь религии, любой, неразумна. Вот сам проект Гагарина - это другое дело. Конкретность.

Сулейменов. Религии, соединяя в знании истины некоторых людей между собой, отделяют их от других людей. Препятствуя, или затрудняя, таким образом возможности какого-либо общего дела. Гагарин говорит: примирению церквей должно предшествовать примирение верующих с неверующими.

Абалкин. Как у Чехова.

Сулейменов. Христос воскресе Шергин запел едва начав говорить. Крестное знамение творить учила его и сестренку мать. Еще не умели ходить. В кануны праздников во всех комнатах перед иконами сияли лампады. Мать в часы всенощной носила их от киота к киоту, велела: хвалите имя Господа. И своей рукой слагала неумелые еще пальца в крестное знамение. С тех пор и запечатлелась вечно живая красота икон в сердце. И любил он ее всю жизнь. И вот он говорит: по-моему, никто так, как Чехов, не видит человека.

Абалкин. Тихий миролюбивый человек; спрашивает: неужели с каждой вишни в саду, с каждого листка, с каждого ствола не глядят на вас человеческие существа, неужели вы не слышите голосов? Станиславский пишет Чехову: если б я услыхал, что Вы сделали преступление, я бы ни на секунду не усомнился в Вашей правоте. Не могу забыть, как Попов - Ферапонт спрашивал во мхатовских "Трёх сестрах": правда ли, что в Петербурге был мороз в двести градусов? Действительно, мало ли случается невероятного? Например, поперёк Москвы канат протянут, а зачем - неизвестно. Однако в любом случае, говорит Ферапонт, бумаги должны быть подписаны. На то ведь и бумаги, чтобы их подписывать.

Сахаров. Это очень похоже на то, как сейчас в школе учат про свет: имеются электромагнитные колебания, но нет того, что колеблется. Написано на бумаге буквами.

Абалкин. И вот это спокойствие Попова-Ферапонта в сложных обстоятельствах жизни озадачивало. Надо бы смеяться, а хочется плакать. Вопрос оказывался серьезным, и хорошего ответа не было.

Сахаров. А температура в центре солнца 15 миллионов градусов? Что несомненно подтверждено математической обработкой блестящего ряда самых точных опытов по измерению колебаний. При том: то, что колеблется - не существует.

Абалкин. Понятно, почему Попов мог играть эту роль вечно. Неизвестность каната озадачивает. В ней есть что-то святое, трогательное и поучительное. С этими персонажами - Ферапонтом, Звездинцевой - общаться было интереснее, чем с кем бы то ни было. В "Вишневом саде" Попов играл Прохожего. Он обращался к Варе - Ленниковой: мадемуазель, позвольте голодному россиянину копеек тридцать. Станиславский изменил представление о том, что такое великий актер, великая актриса.

Ландсбяргис. Булгаков в "Театральном романе" изобразил Кореневу идиоткой.

Абалкин. (*улыбается*). Я так и не одолел "Мастера и Маргариту". Как Вы не дочитали "Джан". Пошлость уже в том, что обыгрываются библейские сюжеты. Не смог я осилить и "Золотого теленка". Так и не знаю, что там с этими стульями.

Ландсбяргис. М-да, стулья...Впрочем, "Золотого теленка" написал не Булгаков.

Абалкин. Разве? Вы подумайте! А очень похоже...Булгаков - писатель времени нэпа. Сейчас, кажется, это возвращается. Булгаков слишком увлечен темой своего интеллектуального превосходства над работниками ЖЭКа; темой "поэт и царь". Для Толстого и следом - Чехова, Цветаевой, Платонова - этой темы уже не существует. Теперь мы уже знаем, что придворный поэт - или плохой поэт, или не поэт.

Айдак. Толстому говорят: Вам бы поехать к государю, вы б его убедили. Толстой отвечает: если жену свою не можешь убедить, то государя уж подавно.

Сулейменов. Софья Андреевна считала Льва Николаевича ненормальным: о Христе говорит черт те что; не так, как обер-прокурор Синода Победоносцев. Христос - муж силы, а вовсе не слабый, дряблый. Пыталась организовать консилиум, признать мужа сумасшедшим.

Абалкин. Когда-то, в самом начале Художественного театра Победоносцев, много лет не бывавший в драматическом театре, посетил "Дядю Ваню". Он был захвачен и подавлен: что оставляют актеры для семьи, если они так отдают себя сцене? Чехов поздравляет Вишневского с Новым годом - тот играл Дядю Ваню и учителя гимназии Кулыгина в "Трех сестрах" - и желает побольше денег, славы и хорошей невесты. Вишневский отвечает: кто служит в Художественном театре и любит его так, как он его любит, тот ни денег, ни жены иметь не будет. Убивается не только индивидуальность, но даже какие бы то ни было посторонние желания и стремления. А уж о деньгах и жене и думать нечего.

Сулейменов. Те, кто дочитал "Мастера и Маргариту" до конца, утверждают, что в романе скрыта тайна, что Мастер - это Андрей Платонов, а Мария Александровна Платонова - Маргарита. Булгаков приходил по средам к Платонову. - Андрей, ты Мастер, Мастер! - Все запоминал, но разве это может помочь?

Абалкин. Началась булгаковская Маргарита до его знакомства с Платоновым. Она пролетала у Вирджинии Вулф над дворами колледжа Тринити в ее "Комнате Джейкоба", еще в 1922 году. В "Чайке" Тригорин говорит о себе: хороший был писатель, но он писал хуже Толстого.

Ландсбяргис. Он говорит: хуже Тургенева.

Абалкин. Это шутка. Шутка Чехова. Толстой говорит: во всяком искусстве трудно избежать двух крайностей: пошлости и изысканности. Из этих двух недостатков изысканность хуже пошлости, от нее труднее освободиться. "Дни Турбиных" переписывали во МХАТе более двадцати человек, чтобы убрать их следы. Ошибка Булгакова в том, что он написал "Театральный роман". Обнаружилось, что Шариков - это Булгаков. И для этого не надо знать "Собачьего сердца". Ведь редко кто читал "Дон Кихота", а все знают. В записной книжке 1909 г. Станиславский пишет: "Кореневу гнали - я удержал её за свой счёт". Всё на волосках держится. Чехов был чудаком, писал водевили и считал, что все держится на графе Толстом, без которого никакого Чехова бы не было. И вообще ничего бы не было. Потом все это свалилось на более практических людей, купца Алексеева, для красоты назвавшегося Станиславским, и на мелиоратора и электротехника Платонова, и держалось на них. После них в воздухе ощущалось какое-то беспокойство за непрочность волосков, и тяжесть ноши упала на актеров Художественного театра. Кореневу, Попова, Ленникову. Главной задачей интеллигенции в XX веке было изъятие из школьных и университетских программ фундаментальных идей Чаадаева, Толстого, Гагарина, Платонова. Толстой оказался автором "Войны и мира"...

Сулейменов. ...и "Анны Карениной"...

Абалкин. ...остальные - вообще не пойми кто. Для этого наш известный святой Иоанн Кронштадтский постоянно молился, чтобы Толстой не дожил до очередного Рождества, а Ленин писал статьи о том, что Толстой смешон как пророк, и он не сказал ничего такого, что не было бы задолго до него сказано и в европейской и в русской литературе.

Ландсбяргис. Но Ленин был действительно литератором. Он так и писал: профессия - литератор.

Абалкин. Именно! У него пророк - Маркс. А Толстой говорил: если бы даже случилось, что предсказывает Маркс, то случилось бы только то, что деспотизм переместился бы. Властвовали капиталисты, а будут властвовать распорядители рабочих. Толстой не понимает, как можно держать в основании Гегеля. "Диалектика дает возможность истинное отличать от ложного". "Одна лишь философия способна постичь действительное отношение между солнцем и планетами". "Другие науки, сколько бы они не пытались рассуждать, не обращаясь к философии, они без нее не могут обладать ни жизнью, ни духом, ни истиной". Да и святость, как мы видим по Иоанну Кронштадтскому, это точно утрата жизни, - какая тут истина?

Айдак. Для Толстого передовой класс - крестьяне.

Абалкин. Народ всегда образованней интеллигенции, Толстой это точно знает, ни один профессор не знает, сколько простой мужик.

Ландсбергис. А 15 миллионов градусов?

Сулейменов. У Платонова народ имеет действительный, и притом массовый опыт взаимоотношений с природой, опыт работы, нужды, спасения жизни от истребления высшими людьми.

Абалкин. У интеллигенции этот опыт почти сведен к нулю. А 15 миллионов градусов...Маркс ненавидел рабочих, у него рабочие названы передовым классом, потому что ими легче манипулировать.

Айдак. У крестьян шире кругозор. Ими трудно манипулировать.

Абалкин. Всё будет доступно всем, говорит Толстой. Как марксисты не видят, что это невозможно. Удовлетворение потребностей на уровне "культурных стран" истощило бы земные ресурсы за несколько лет.

Айдак. Я думаю, основной причиной, почему Советский Союз так быстро стал индустриальной страной - потому что Россия была страной крестьян. Именно широкий кругозор крестьян позволил им так быстро выучиться. Ведь что такое проект Гагарина: это - когда каждый становится крестьянином, то есть хозяином своей судьбы.

Сахаров. Узкий специалист уже не годится.

Абалкин. По-видимому, Ленин любил Маркса за красоту; которая должна спасти мир. По Гегелю, красота есть просвечивание идеи сквозь материю. Маркс и Ленин считали, что Гегель, сидя в кабинете, доказал: всякий тезис имеет своего врага в антитезисе. После долгой борьбы они мирятся в синтезе для того, чтобы начать новую борьбу с новым антитезисом, от него родившимся. Для Толстого же это являлось доказательством, что марксов коммунизм не отличается от капитализма. Еще Чаадаев писал: Гегель не

выносит управления большинства. (*Сулейменову*) "Карл Маркс глядел со стен, как чуждый Саваоф". Это из Чевенгура. Толстой говорил о Марксе всегда с юмором, а у Платонова название "Чевенгур" образовано от "chevy" - крик охотника при парфорсной охоте на лисиц. Сохранилось донесение старшего оперуполномоченного НКВД. В нем сообщается: Платонов говорит, что рассудочная и догматическая доктрина марксизма равносильна внедрению невежества и убийству пытливой мысли. Донесение от апреля 1945 года. (*Делает ход*.) Апрель 1945!

Сулейменов. Толстой не знает цели в жизни. Называет жизнь движением в неизвестное. Вот и будем ходить во мраке, пока этот мрак будет исходить из Ясной Поляны, говорил Гагарин. У Гагарина всеобщее воскресение не конечный пункт, а начальный. Совершенно не важно не только возможно ли воскресение, но и что это такое. Ведь никакие формы организма никогда не будут законченными. Что такое сознание? Как об этом говорить, не решив более простой задачи, воскрешения? Толстой иногда говорил, улыбаясь, что если бы у него не было своего учения, он бы был последователем Гагарина. Но он боялся. В этом будущем своё бессмертие ты обеспечиваешь лично сам. Скажем, на 95%. А в 5% тебе помогут другие. И они это смогут сделать, если всё нацелено на эту задачу. Но гарантий нет. И не будет никогда. Другое бессмертие невозможно. Они ходят по Арбату, спорят, и нечаянно, не заметив, давят случайно попавших под ноги муравьев. Бессмертие человека не отличается от бессмертия муравья. Толстой точно знает: я нисколько не русский дворянин, а просто такой же муравей. Об этом же говорит и Платонов: щенок Филька, один, без имущества, лежит на холоде. Всё, что можно сделать в таком состоянии, весь инструмент должен заключаться лишь в собственном живом туловище. Ни бумаги, ни пера.

Сахаров. Страх Толстого понятен. И он, страх, не позволяет видеть преимущества подхода Гагарина. Перемена понимания смысла жизни меняет всё.

Сулейменов. Платонов приходит к выводу, что налаживание языка с природой есть основное требование к общественному устройству.

Сахаров. Меняется выбор предметов наблюдений. Свойств. Характер чувственных переживаний. Как воспитывать детей. Чему их учить.

Распутин. Каких детей? При бессмертии? Михаил Сергеевич Горбачев очень мудрый человек, но даже он вас не поймет.

Сахаров. Можно задать много вопросов. Обсуждать бездны планов, проектов. Для осуществления которых требуются, может быть, большие времена.

Сулейменов. Мысль Гагарина в том, что большинство вопросов разумно задавать тогда, когда будет решена задача воскрешения.

Сахаров. И только некоторые из них, возможно, будут решены в процессе решения этой начальной задачи. Наиболее часто задается вопрос, а как же они прокормятся. Я задавал этот вопрос Сергею Петровичу Капице. Вы его знаете, он ведет известную телевизионную программу "Очевидное - невероятное". Он ответил: Аргентина может производить столько пищи, сколько понадобилось бы, чтобы прокормить весь мир. За всю историю человечества жило всего 100 миллиардов людей. Он не видит здесь нет никаких проблем. Голод на земле не случайная неприятность.

Абалкин. Как возник "Хаджи-Мурат"? Толстому 68, у него подавленное состояние духа, усиленное пустотой. Бедной, самодовольной, холодной пустотой окружающей жизни, люди его круга так несерьезны. Как могут они жить спокойно, зная, что они погубили целый народ, высосав из него все, что можно; и рассуждать о Боге, добре, справедливости, науке, искусстве, писать "Войну и мир". Ужасно! Связь нашей роскоши с страданиями и лишениями людей слишком очевидна. Мы не можем не видеть цены прямо человеческой жизни, которой покупаются наши удобства и роскошь. Он не знал, что ему делать. На прогулке увидел куст репья, почему-то напомнившему ему Хаджи-Мурата, которого он никогда не видел, и о котором никогда не думал. Что-то читал. В декабре 1851 г. они одновременно были в Тифлисе. Хаджи-Мурат часто появлялся на улицах и все привыкли его видеть. Толстой был занят, писал "Детство", Хаджи-Мурат его не интересовал. И вот спустя более сорока лет, пытаясь вернуть себе волю к жизни, Толстой решает написать о Хаджи-Мурате. Ни над каким другим произведением он так упорно не работал. Это был чужой для него материал. Он проштудировал более полутора тысяч книг и около десяти тысяч статей. *(Ландсбяргису)* Можно съязвить: это было соревнование с Шекспиром...Философ Людвиг Витгенштейн пишет своему учителю английскому философу Бертрану Расселу: "Я только что прочел "Хаджи-Мурата" Толстого! Приходилось ли Вам читать его? Если нет, Вы просто обязаны, это подобно чуду". Книгу Толстого о Евангелиях Витгенштейн читал постоянно, и в окопах, под обстрелом, всегда имел при себе. Толстой стыдился "Хаджи-Мурата". Баловство и глупость. К своим личным проблемам приплел зачем-то Хаджи-Мурата. Все это младость. Как у Шекспира. Совестно. Начиная "Хаджи-Мурата", параллельно писал трактат об искусстве...Есть ли у женщины душа? (*Ландсбяргису*) Не переживайте так, у Вас - нет.

Сухов. В молодости она влюбилась в кавалериста. Стройного, в каракулевой бурке. Женщина - сама крайность. Она либо хуже, либо лучше мужчины.

Абалкин. У моего приятеля есть попугай, Петруша. Живет на кухне, любит слушать радио. И вдруг он говорит: стоит только на́чать, пойдут прибыля...Не покорность, не мечтательная радость и молитвы изменят мир. А горящая тоска...

Сулейменов. ...о невозможности любви. Для Платонова вопрос о бессмертии начинается все-таки с решения вопроса о голоде.

Айдак. А последний - с решения проблемы усиления внутреннего влагооборота земель. Которая может быть решена уже в ближайшие сто - двести лет.

Сулейменов. И поэтому он становится мелиоратором.

Айдак. Сначала земля отводится под хлеб. И под опыты и пробы человеческой мысли. Она будет мастерской. Когда победим голод, наступит новая земледельческая эпоха: переход от полевой - к огородной системе, от огородной - к индивидуальной культуре растения. Будут трудиться над каждым колосом, изучать каждое отдельное растение. Даже частицу растения. Давать имя каждому листу. Знать характер, душу, потребности и болезни, настроение каждого колоса. Его отличие от другого такого же колоса. Выращивать себе хлеб в цветочном горшке. Из одного куста картофеля добывать то, что добывается теперь с десятины.

Сулейменов. И потом, когда немножко лучше узнают природу, начнут трудиться над каждым человеком.

Ландсбергис. Так и хотите всё вызнать?

Абалкин. Не всё. Пока - только то, что относится к бессмертию человека. Будущего, когда всё станет общеизвестным - не будет никогда. Вирджиния Вулф говорит: в будущем не будет оседлой жизни в четырех стенах.

Распутин. Вы что, сговорились?

Абалкин. Дом должен быть переносным как раковина улитки.

Сулейменов. У Толстого жить не для себя лучше жизни для себя. Жить не для себя, говорит Гагарин, означает лишить себя жизни. У Толстого спасение внутри нас, у Гагарина и Платонова спасение скорее не внутри, а вне нас. Правы все. Но Толстой прав больше. Толстой лишь отрицает роскошь и богатство, говорит Гагарин, но пока будет смерть, будет и бедность. И как бы ни было ничтожно богатство, но и оно предпочтительнее, чем ничто. Пока будет смерть, не уничтожится стремление к наживе, к богатству. Требование отречения от богатства при признании смерти больше чем странно.

Ландсбергис. Наконец-то!

Сулейменов. ...и тогда вопрос о бедных и богатых должен быть отнесен к вопросам отживающим. Потому что он неразрешим.

Абалкин. Именно об этом и думал Платонов. Гагарин относительно целеполагания абсолютно прав. И относительно неразрешимости - тоже.

Распутин. Вы что, серьезно? Вы это серьезно? (*указывая на портрет мадам Пок*) Да когда же она, наконец, придет, чтобы привести вас в чувство?

Сахаров. Мне нравится, что формулировка Гагариным цели сразу меняет систему образования. Главные предметы в школе должны быть - природоведение, биология, медицина и техника. Они должны дать навыки самообразованию. Ведь школа это только начало образования. Проблема в том, что учителя, преподающие, скажем, математику или физику, не имеют никакого представления о том, что такое математика и физика; откуда бы им это знать? Раньше, когда практически единственной целью математики была гимнастика ума, было более-менее безразлично, чему учить. Сегодня математика нужна всем, и притом для дела. Настало время внимательно пересмотреть, что на самом деле требуется от математики. Математика нужна не для того, чтобы решать задачи. Она нужна в первую очередь чтобы понимать физику, механику, электротехнику. В арифметике нужно решать не длинные примеры, а задачи с наглядным содержанием. Чтобы учить уважению к числу, умению приблизительно считать устно. Если ученик, умножая 4.5 на 5.5, получит площадь комнаты 2.5 $м^2$, то он может забеспокоиться. Решая это как пример на умножение чисел, - ему это безразлично. При изучении математики нет места вере. Фразы, вроде того, что в высшей математике доказывается то-то и то-то, а пока поверьте на слово - недопустимы. Они недопустимы в учебнике по математике вообще, а в школе - в особенности. Однако всякое доказывание очевидных для школьника истин должно быть изгнано. С одной стороны, оно бесполезно. Когда учащемуся доказывают, что в прямоугольнике противоположные стороны равны, то у него не прибавляется уверенности в правильности доказываемого положения. Наоборот, у него возникает стена между существом дела и формальным доказательством. Обесценивается понятие доказательства. Основным разделом алгебры, которому должны быть подчинены все остальные, должен быть раздел о функциях и графиках. Центральным пунктом этом этого раздела делается понятие производной. Производная должна быть введена как можно раньше, чтобы можно было ее использовать в физике и тем самым закрепить. Что понятия производной, т.е. скорости изменения, или интеграла, т.е. площади, якобы слишком трудны для школьника - просто неправда. Имеется много частных вопросов, какое место должны занимать, например, прогрессии, комбинаторика, бином Ньютона, комплексные числа. Все эти вопросы решаются сами собой в зависимости от того, как будут излагаться интегралы и производные. Что-то может остаться, что-то выпадет. В зависимости от возникающего или не возникающего интереса у школьника и учителя.

Абалкин. Платонов говорил: главное зло - люди обладают всегда лишь частью знания.

Айдак. Это другая формулировка того, что зла не существует. У Толстого нет большей радости, чем радость познания.

Сахаров. Казалось бы - все ясно; но - нет! Проблема в том, что физические справочники, в которых приведены свойства тел, значения различных экспериментальных коэффициентов в уравнениях, это не наука, а бухгалтерия. Наука вроде бы в том, понять - какие уравнения. Они могут быть неправильными, но устройства, сделанные с помощью этих уравнений и справочников, могут прекрасно работать. Если коэффициенты использованы в той области, в которой они получены в экспериментах; но в другой области они могут не работать. И оказывается, что мы не знаем, какие они - эти уравнения. И может быть не узнаем

никогда. Это договоренности. Иногда удачные, иногда нет. Удачные в некоторой области. А Большой взрыв, черные дыры - это просто спиритические сеансы, описанные Толстым.

Абалкин. Платонов говорит: фантазия - самое страшное для науки. Она порождает невообразимое количество "научных" теорий; заваливает нас мусором воображаемого. Если в моей молодости считалось, что существенная научная работа доходила до нужного читателя в среднем за три года, то в будущем, во времена большей доступности информации, она не дойдет и за десять лет, она не сможет пробиться сквозь горы информационного мусора. Из тех определений науки, которые я знаю, лучшее принадлежит Вирджинии Вулф: "To speak of knowledge is futile. All is experiment and adventure". Наука это приключение.

Сахаров. Собственно, научные школы - это школы в организационном отношении. Организация договоренностей. Меня привлекает в проекте Гагарина, во-первых - experiment and adventure, и - главное: целеполагание упорядочивает организацию договоренностей. Будущее так же непредсказуемо, как и прошлое. Мир проективен, и он может быть разным в зависимости от целей проекта. Проективность означает наличие целеполагания, и неустранимую неясность определения понятия закономерности.

Абалкин. В науке нет целеполагания.

Сахаров. Пока нет. "Закономерность" в общем случае является функцией цели, т.е. наука - инструмент не только "изучения", но и преобразования природы. Мы не ведаем, является ли атомная энергия, в том виде, какою мы ее сегодня знаем, независимой от нашего воздействия. Или мы её провоцируем, создаем такие ситуации, которые природе "неизвестны". Категория законов, независимых от нашего сознания, - отвергается. Признается категория "законов", которая выглядит как независимая от нашего сознания. "Законы", в том числе и в физике, реальны только как психические состояния.

Абалкин. Платонов считает, что если в науке до сих пор "все же были отдельные ученые", то в искусстве все значительно хуже. При преподавания литературы в школе нужны коренные изменения.

Сухов (*Сахарову*). А вы настоящий академик, или как Яковлев?

Сахаров. Я - ни то ни другое. Я по недоразумению. Но вот что такое "отдельные ученые", я знаю. Один из них, Анатолий Александрович Власов, читал мне лекции. В Ашхабаде, куда во время войны был эвакуирован Московский университет. С другим, Николаем Александровичем Дмитриевым, я работал в "Арзамасе-16".

Сухов. Над бомбой?

Сахаров. Да.

Сухов. "Слойкой" Сахарова?

Сахаров. Считается, что так.

Сухов. Считается? По недоразумению?

Сахаров. Именно! Рассказывать о науке сложно. Вот пример. В 1936 году Ландау выведено уравнение, которое должно было в будущем называться уравнением Ландау. В 1937 году Власов указывает на его некорректность. Он говорит, что Ландау вывел свое уравнение в предположении, что через две точки можно провести прямую. А это не так. Через две точки можно провести много прямых. А Ландау учился в школе и запомнил, что через две точки всегда можно провести прямую; и только одну. Но вот, например, плазма, она в школе не училась, и, возможно, ничего об этом не знает. Власов выводит уравнение, учитывающее это обстоятельство, и объясняет важные особенности поведения плазмы, которые не могут быть получены из уравнения Ландау. Ландау был замечательный человек и сразу нашел выход: перед самыми выборами в академию он опубликовал, в компании с Гинзбургом и Леонтовичем, в журнале экспериментальной и теоретической физики, статью о том, что Власов не владеет основами математики и классической физики. И что уравнение Власова приводит "к результатам, физическая неправильность которых видна уже сама по себе". Статья была точно рассчитана к выборам в академию. Потом Ландау организовал протесты комсомольцев физического факультета против Власова, с требованием его отставки. Сразу после публикации статьи Ландау был избран академиком. Хотя еще не был член-корреспондентом. Там была еще одна тонкость. После предыдущих выборов знаменитый математик Колмогоров сказал: впечатление от правящей сейчас группы - Иоффе, Мандельштама и Бернштейна, печальное. Выше отстаивания всеми средствами своих личных кандидатов они подняться не могут. А в 1944 году умер Мандельштам, и выбрав Ландау, московские физики надеялись потеснить ленинградца Иоффе. Ландау как раз был таким кандидатом, который был способен на это, и статья Ландау о Власове доказывала это.

Сухов. В нынешних телефильмах сейчас это называют сталинскими репрессиями.

Сахаров. А Власов был в это время зав.кафедрой теоретической физики Московского университета. На эту должность было два претендента: Тамм, мой будущий научный руководитель, и Власов. За Власова было 24 голоса, за Тамма - 5. Сейчас вся теория плазмы строится на уравнении Власова. Уравнения Максвелла теперь фигурируют как уравнения Максвелла-Власова, уравнение Пуассона как уравнение Пуассона-Власова. Ежегодно в мировой научной печати публикуются сотни и сотни работ по теории плазмы, причем в каждой второй, по крайней мере, произносится имя Власова. Везде, кроме России. За этим следил Ландау, а после его смерти Гинзбург. А мне повезло. Так сложилось, что руководителем моей кандидатской диссертации был Тамм, а не Власов, а то мне не дали бы защититься. Власов как-то читал лекцию и так вскользь сказал, что классическая механика - не наука. Это не забывается; как канат, протянутый поперек Москвы.

Абалкин. Чаадаев, читая текст учебника по экспериментальной физике, где было написано, что изучение природы сегодня сводится к трем разным вещам: наблюдению явлений, экспериментальному

исследованию последующего их поведения, и наконец, - к определению сил, вычисляемым следствием которых они являются, - делает примечание: если возможно это определение.

Сахаров. Власов говорит: в рамках классической физики, включая квантовую и теорию относительности, это невозможно. Галилей проводит опыты с тяжелыми и легкими телами и выводит ближайшее заключение. Строго говоря, ни характер и погрешности измерений, ни методы обработки экспериментальных данных ни тогда, ни сегодня не дают оснований для обобщений. И тем не менее тут же распространяют это заключение на другие области (газы, жидкости), не имея для этого никаких оснований. Вклад Ньютона был тот, что он объявил эту договоренность законом, по которому бог создал мир, voila tout. У Власова вопрос о уравнении движения открыт и нужно быть готовым к тому, что он таковым и останется.

Сулейменов. В "Чевенгуре" Чепурный разъясняет Прокофию, что наука только начинается, а чем кончится - неизвестно.

Сахаров. Для меня с Власова физика и начинается как наука, а до этого было то, что Вирджиния Вулф назвала экспериментом и приключением. Мне не пришло бы в голову, что второй закон Ньютона, который мы учим в школе - он ничем не обоснован. А распространение его от молекулярного уровня до космического - это "плоды просвещения". О чем писал Толстой еще в "Войне и мире"; там у него: тела не притягиваются, а как бы притягиваются. Когда-то Гук написал Ньютону, что у него, Гука, получается, что тела как бы притягиваются. И попросил Ньютона подумать об этом. И Ньютон сформулировал "закон": притягиваются! "Притягиваются". Это не поэзия; это мистика. Дальше - хуже. Пуанкаре в 1898 г. предложил в дальнейшем при обработке части экспериментальных данных, в которых прямо или косвенно участвует скорость света, считать эту скорость постоянной. Договоренность позволит хоть как-то упорядочить некоторые наблюдения и вести диалог. А Эйнштейн объявил эту скорость всегда постоянной. Не имея для этого никаких оснований. Предположение, что гравитация выводится из электромагнетизма, также ни на чем не основано. В основании общей теории относительности лежит утверждение: есть волны, но нет того, что колеблется. Это почище толстовских *Плодов*. Да и сам перенос теории, в сущности эмпирической, с масштабов астрономических на масштабы гораздо меньше ядерных, строится на столь далекой экстраполяции, которая неотличима от жульничества. И Мария Склодовская сказала: теперь детей лучше топить, чем отправлять в современные школы. Собственно, история бомбы проста: дочь Марии Ирен открыла нейтрон, и Ферми, повторяя ее эксперимент и облучая нейтронами все подряд материалы, обнаружил, что парафин не уменьшает, как можно было ожидать, активность нейтронов, а увеличивает её. Путь к ядерной реакции был открыт. Ни теория относительности, ни квантовая механика никакого отношения к этому не имела. И проблема, как добиться, чтобы процесс выделения энергии прошел эффективно и быстро, также не имеет с ними касания. И вообще нет никакого устройства, при создании которого была бы использована общая теория относительности.

Абалкин. Платонов написал об этом пьесу "Ноев ковчег". Он выводит среди действующих лиц Эйнштейна, любимого ученика Иосифа Шмацофена. Эйнштейна нет на сцене, только сила его мысли: в четвертом действии вновь появляются американцы, погибшие в пропасти в конце третьего действия. Появляются благодаря гению Эйнштейна, заранее доказавшему такую возможность: совершить путешествие в свое прошлое и внести в свое поведение в прошлом нужные изменения.

Сахаров. Дмитриев с женой как-то пригласили к себе встретить Новый год, это было в Арзамасе-16, а я там был один; и Николай Александрович сказал тогда: наука больна, смертельно больна. Эйнштейн превратил физику в науку юмористическую.

Сулейменов. Гагарин говорит: дитя нисколько не смущается, когда ему говорят, что его куклы неживые существа; они живы в душе дитяти. Что естественно при выделении ученых в сословие. И тогда мы видим, как затухает, меркнет, утомленная еще в предках, в тысячелетиях, жизнь.

Сахаров. Дмитриев читал нам Ронсара. Он знал французский, немецкий, английский и польский. Я думаю, польский он выучил из уважения к Марии Склодовской.

Абалкин. Ронсар по-французски? Чаадаев пишет Пушкину: только французы, такой несомненно прозаический народ, могли вообразить, что во Франции есть поэты; их поэты - прозаики. Мозг поэта построен иначе не в смысле образования идей, но в смысле их выражения. Не мысль делает человека поэтом, а её выражение. Поэтическое вдохновение - вдохновение словом. Говорят образ, образ...но образ - это материал поэзии, а не поэзия. Если он не выражен поэтически, это просто геометрическая фигура и ничего более. Это Чаадаев пишет на форзаце книги, посланной Пушкину...Так что там с Ландау?

Сахаров. Ученики Ландау изложили физику по Эйнштейну в виде учебника.

Абалкин. При условии, что через две точки можно провести прямую, и только одну?

Сахаров. И что есть волны, но нет того, что колеблется.

Абалкин. И хорошо, что он это сделал. Получил за учебник Ленинскую премию.

Ландсбергис. Хотите, чтобы я проиграл эту партию?

Сахаров. Все дело в правильной организации. Можно объявить, что скорость тела пропорциональна приложенной силе; как у Аристотеля. Тогда будут другие "законы трения". Их, может быть, труднее будет объяснять...

Абалкин. Но на то и ученые.

Сахаров. Будут другие формулы, но они будут также надежны при строительстве мостов, самолетов. Так и с Эйнштейном. Эта физика, конечно, имеет право на существование. Сам Ландау очарован ей. Особенно возможностью совершить путешествие в прошлое и внести в свое поведение в прошлом нужные изменения.

Сулейменов. Платонов говорит в 1920 г. об ученых: их задача - неудержимо стремиться вырваться из скромных данных опыта и улететь в обобщающие области, неподвластные критике.

Ландсбяргис. Вы подводите к тому, что физика Эйнштейна - это просто изящный способ отъема денег у общества? Исследование черных дыр и тому подобное...Мы преподаем в школе, в университетах искусство спиритизма?

Абалкин. Если это преследовать, Ландау организовал бы и возглавил рабочую партию с программой: Маркс, Фрейд и Эйнштейн указывают рабочим путь к счастью; и это может оказаться еще дороже.

Сахаров. О существовании ошибочного уравнения Ландау сейчас помнят только узкие специалисты с хорошей памятью, и это удивительно. Например, третий закон Ньютона опубликовал Декарт, когда Ньютону был всего один год, и "закон" до сих пор считается законом Ньютона.

Абалкин. У Ньютона другая история. Тот сразу сказал, что это закон, по которому Бог создал мир; и тут уж ничего сделать нельзя; Декарт же скрывался в Швеции от преследований церкви.

Ландсбергис. А вот известный физик академик Гинзбург говорит: ученый - это человек, который, в частности, знаком с доказательствами справедливости, истинности тех или иных научных положений; он может отличить науку от лженауки.

Сахаров. Когда-то Дмитриев мне сказал, что академики лучше понимают то, что им объясняешь. Сейчас он, видимо, так не думает.

Сулейменов. У Платонова: ученый знает кусок действительности, обрубленный так, чтобы было спокойно жить.

Сахаров. Сейчас уранение Власова Гинзбург разрешает публиковать, но без имени Власова. Следует называть его бесстолкновительным уравнением Больцмана. Как задача о столкновениях, которую решал когда-то Больцман, может быть бесстолкновительной?

Абалкин. Гинзбург надеется, что его усилия будут замечены, и что ему, как и Ландау, дадут за это нобелевскую премию.

Сахаров. Теперь я уже сомневаюсь, что "все же были отдельные ученые". Раньше, может быть. Галилей, Кавендиш. Может быть. Думаю, что фигуры, равной Власову, в физике не было никогда. А кто его знает? Я как-то зашел в Ленинскую библиотеку, и в ней нет ни одного экземпляра, ни одной книжки Власова. Но есть, например, в библиотеках Китая. На китайском языке. Начиная с "Ицзин", вдохновлявшего еще Лейбница, китайские теории категорируются в модельной традиции, тогда как западные - в традиции аксиоматизации. В физике Власова изначально заложены оба подхода. Когда Хрущев обманул Мао Цзедуна с бомбой, пришлось прислать в Китай в качестве компенсации Власова, и в 1958 г. Власов читает курс лекций в Пекинском университете. Власов был человек, которому, нобелевская премия в принципе не может быть присуждена. Как Менделееву, Толстому.

Сулейменов. Цветаевой, Платонову.

Абалкин. Вирджинии Вулф.

Сахаров. Он был человек, который никогда бы не мог стать у нас и академиком.

Ладсбергис (*делая ход*). А институт теоретической физики российской академии наук носит имя Ландау, а не Власова.

Абалкин. Это наверное в память о сталинских репрессиях.

Сухов. А как там все-таки со "слойкой"?

Сахаров. Запутанная история. Она прояснилась для меня только сейчас, а тогда я не очень понимал, что происходит. Главную роль тут сыграли видимо Сталин, Берия и Ландау. Дело было так. Выборы в академию должны были состояться в начале 1950 года. Меня там в помине не было и не могло быть. Но тут Сталин заинтересовался разными вопросами, относящимися к ведомству науки, в связи с чем выборы перенесли на неопределенное время. В начале 1953 года страсти уже кипели. Я в "Арзамасе-16" начал работать в марте 1950 года. Мы с Таммом предложили в качестве термоядерной бомбы устройство с использованием криогенной техники, весом около ста тонн, но бомбардировщики поднимали до 5 тонн, и я предложил погрузить его на баржу, подвести к берегам Америки и взорвать. Я даже встречался с контр-адмиралом Фоминым по этому поводу, и тот отнесся ко мне недружественно. И вдруг Берия вызывает Курчатова, и рассказывает ему идею Лаврентьева, - которая облегчает бомбу более чем в десять раз. Курчатов удивлен, и говорит, что изучит предложение Лаврентьева. А я уже был давно знаком через службу Берии с письмами Олега Лаврентьева. А Тамм инкогнито участвовал в беседах Лаврентьева со службистами. Я пошел к Дмитриеву, и тот напомнил, что он говорил мне о возможности использования соединений лития, как и было у Лаврентьева, и даже показал мне открытые зарубежные публикации на эту тему. Я не обратил на них должного внимания, потому что Тамм относился к этой идее настороженно: они не требовали криогеники, в которой он был специалист, и до Курчатова все это не доходило. Тамм объяснял Берии, что другого варианта, кроме нашей баржи, нет. Но после беседы Курчатова у Берии всё завертелось. Сама идея термоядерной реакции, как мы ее реализовали - Лаврентьева; изменения и дополнения были на уровне очевидности. Проблемой оставалась конструкция, толщины слоев. Собственно, я и сейчас представления не имею, как работает бомба. Так. В общих чертах. И думаю, никто не знает. Тем более Эйнштейн или Бор - те точно не знают. Кроме, может быть, Дмитриева. У американцев - вряд ли. И дело вовсе не в секретности. Дмитриев регулярно читал руководителям КБ лекции по физическим основам ядерных и термоядерных бомб. Харитон слушал внимательно, записывал лекции в большую тетрадку. Никто не понимал. У него закон диффузии одновременно и параболический, и гиперболический, и не подчиняется никакому дифференциальному уравнению, т.е. и не параболический, и не гиперболический.

Абалкин. Вирджиния Вулф пишет: чем лучше понимаешь, тем сложнее обобщить, суммировать, и вывести уравнение.

Сахаров. Дмитриев объяснял, почему это так, но никто не понимал. Физика уровня Власова среди нас не было. Я доверял ему интуитивно, и мне казалось, что сам он - понимает. Его рекомендации по конструкции термоядерного заряда, то, что называют "слойкой", дали сразу нужный результат. А можно было ковыряться годы. Понятно было только то, что это не было случайностью. Может быть, он слушал - и понял! - какие-то лекции Власова, уже в Москве. После тех, которые я слушал в Ашхабаде. Или просто шёл по его пути. Так что главные авторы "слойки" - это Лаврентьев, Дмитриев и Берия. Если б Берия не вызвал Курчатова и не рассказал об идее Лаврентьева, мы бы делали вариант для баржи. Берия и выдвинул меня в академики, ему было приятно: я академик, а главные идеи я получил от него. Действительных авторов - много. Женя Забабахин - кстати, мой сокурсник. Тоже слушавший лекции Власова. Зинаида Васильевна Ершова, кстати, трижды лауреат сталинской премии. Стажировалась в 1937 году у Ирен, дочери Марии Склодовской. Мой вклад был только тот, что я предложил слой необогащенного урана. Предложение было неудачным, и позже этот слой убрали.

Абалкин. Когда-то Чаадаев писал: в природе есть пластическая сила, творящая одни формы; это и есть, вероятно, истинное жизненное начало.

Сахаров. И одна из глав известной монографии Власова так и называется: теория роста кристаллических, плазменных и биологических структур. Он приходит к выводу, что диффузионные явления относятся к классу первичных явлений в сравнении с силовыми взаимодействиями частиц! И что диффузионные явления не могут быть описаны никакими дифференциальными уравнениями - приведенными в учебниках, справочниках, "классическими", "хорошо проверенными экспериментально"! И что причина необратимости уравнений теории броуновского движения заключается даже не в наличии в них статистического элемента, а в выборе специального вида частных решений. И тогда изучение влияния собственно статистического элемента становится практически невозможным. Об этом уже догадывался Пуанкаре. Представляете, в какой ужас приводит все это Ландау и Гинзбурга. Физика Власова кладет в основу "возможности", а не "действительность". Может, Дмитриев и не знал действительности. Уловил возможности.

Абалкин. И дальше Чаадаев продолжает: нигде это жизненное начало не проявляется так наглядно, как в кристаллизации. Там нужно ее изучать и о ней размышлять. Странное это явление - кристаллизация. Чистая геометрия! И обратите внимание, так действует природа при образовании первоначальных тел. Необъятный предмет для размышления.

Сахаров. А другая глава монографии Власова называется: генетическая связь кристаллического состояния с состояниями газа и жидкости.

Абалкин. Тексты Чаадаева и Власова продолжают друг друга. Вопреки нашей привычке судить их порознь.

Сахаров. Власов приходит к тому, что кристалл - состояние, а не конструкция. Помню, как-то я показал Дмитриеву отчет Ландау. Он прочитал несколько строчек и сказал: дальше читать не нужно. Там были написаны дифференциальные уравнения, а Дмитриев уже знал, что изучаемый процесс не описывается этими уравнениями. Ландау получал результат, решая задачу Коши для этих уравнений. А Дмитриев знал, что решая задачу Коши, мы теряем часть решений...

Ландсбяргис (*Сахарову*). А не кажется ли вам, что вы мечете бисер перед...

Сахаров. Не кажется. Я описываю, как могу, свое тогдашнее состояние. Я слушаю Дмитриева и не понимаю его рекомендаций. И поддерживаю эти рекомендации. И все получается. Когда я приехал в Арзамас-16, мне было 29. Дмитриев, а он на три года младше меня, уже создал, когда ему было 24, модель рабочего процесса в бомбе, позволяющую, опираясь на доступный набор экспериментальных данных, формулировать техническое задание на эксперимент таким образом, чтобы по его результатам можно было бы уточнять как алгоритм, так и свойства рабочего тела. И он был уже лауреатом Сталинской премии.

Ландсбергис. Но ведь каждая домохозяйка знает, что "слойка" - Сахарова.

Сахаров. Она, как говорит моя внучка, "обчая". О том, что "слойка" - моя, я узнал случайно. Так обосновывали, по-видимому, мою кандидатуру в академики. И я к этому не имел никакого отношения. А потом привык. И уже бойко объяснял: чья первая идея, чья вторая идея...А та и другая идеи были - Лаврентьева. Стыдно. Старость не радость. А молодость - гадость. Власов первый сказал - кроме папы - что из меня может получиться физик-теоретик. Не получился.

Айдак. Ну, насчет старости...Революционером, считает Толстой, может быть только старик.

Сахаров. Кстати, идея управляемого термоядерного синтеза - тоже Лаврентьева. После убийства Берии Леонтович написал отрицательную рецензию на это предложение Лаврентьева, а Арцимович закрыл Олегу пропуск и отправил к вам, в Харьков. И реализацию его идеи возглавил Арцимович. А Олег у вас здесь, кажется, до сих пор и работает.

Сухов. Он иногда заходит к мадам Пок. С дочкой, Ирочкой; ей нравятся эти штучки, забыл как они называются...В общем, сладкое, с розовой глазурью. Они бывают только у мадам Пок. (*Встает, смотрит в окно*). Что-то они задерживаются. Помню, Олег Александрович рассказывал мадам Пок, как вы, выходя из кабинета Берии в Кремле, пили лимонад.

Сахаров. Это что - западня?

Сухов. А он постеснялся. Еще он говорил, что вы ему понравились. Кстати, он хорошо играет в шахматы. Помню, как он объяснял нам, почему машина обыгрывает человека. Вот, например, играет

Каспаров с машиной в шахматы и машина выигрывает. И все заключают, что машина думает. Однако Каспаров договорился с организаторами матчей, что он будет играть с машиной в правильные шахматы. "Думать" машина начинает, когда игра уже перешла в эндшпиль, тут у машины есть шанс. Если бы Каспаров после хода e2-e4, у нас в стране все знают этот ход, пошел бы, например, королем вперед, это было бы неправильно, ничего подобного у нее нет в памяти, и машина бы проиграла не только Каспарову, но и мне, говорит Олег Александрович. И все бы увидели, что машина думать не умеет.

Абалкин. Сейчас организаторы матчей уже учли эту ситуацию. Они тайно нанимают команду крупных гроссмейстеров, и когда играющий против машины играет неправильно, они первые ходы делают за машину, и только с середины игры подключают машину. Место нахождения машины и этой команды никому неизвестно; так что Олег Александрович теперь уже у машины не выиграет. И теперь даже ему может показаться, что машина думает. Изменилась природа шахмат. Когда-то спорили: шахматы - это наука, искусство или спорт? Оказалось, это реклама ЭВМ.

Сухов. Значит, слойка - "обчая". А при чем тут Ландау или Гинзбург?

Сахаров. Ни при чем. Благодаря Ландау я стал академиком. Гинзбург был один раз у нас в командировке. После того, когда бомба уже была сделана и испытана. Чего-то просил.

Ландсбергис. А я читал, что за участие в атомном проекте Ландау трижды награжден сталинскими премиями.

Сахаров. Награжден. Я же говорил, что наш проект с баржей использовал криогенную технику, и Ландау мог считать, что он имеет к ней какое-то отношение. Что мог бы сделать, скажем, Ландау? Написать дифференциальные уравнения, и при каких-либо упрощениях предложить какие-то решения. В которых должно быть достаточно коэффициентов для подгонки этих коэффициентов к экспериментальным данным. Он так и делал. И приплести какую-нибудь поэзию. Например, сказать: вся теоретическая физика делится на две части. Собственно теоретическую физику и теорию вязкости гелия, которую создал я. В 1940 Ландау первый доказал, что ядерная реакция невозможна. Чем сбил с толку своего шефа, Петра Леонидовича Капицу. А потом, когда ядерная реакция была осуществлена, Ландау первый доказал, что она возможна, voila tout. Ландау говорил: я написал уравнения, передал Зельдовичу, и они сделали бомбу.

Абалкин. Бряк-бряк-бряк. Просто пошлость?

Сахаров. Рекомендациями Ландау можно даже не интересоваться. Вам может показаться странным, но обычно прикладная задача или решается тривиально или вообще не решается. Уравнения не спасают. Большинство возникающих задач Дмитриев решал на логарифмической линейке. Или с привлечением арифмометра "Феликс". Он получал нужный результат, покрутив сначала ручной арифмометр "Феликс" несколько раз вперед, а потом назад. (*Улыбается*) Получается, все дело в том, что нужно знать, сколько раз крутить. И в какую сторону. Арифмометр требовался только для очень сложных задач. Они возникают, когда исследуется возможность управления процессами, в которых действуют мощные прямо противоположные силы; тогда их нужно знать с очень большой точностью. Он и считает их на арифмометре с десятью знаками, чтобы разности этих сил знать хотя бы с десятипроцентной точностью. И тогда, может быть, удастся понять, можно ли управлять этими разностями. Наш главный конструктор, Харитон, просил Колмогорова поучаствовать в составлении технического задания на вычислительную машину, а тот говорит: а зачем вам вычислительные машины, если у вас есть Коля Дмитриев. Да и уравнений, которые вы собираетесь решать на ЭВМ - не известны. Все - Франк-Каменецкий, Зельдович, я - со всеми непонятными проблемами обращались к Дмитриеву, и он их решал. Зельдович говорил: мы все трепещем перед ним; никогда не печатал ни одной статьи, не показав Дмитриеву. Когда Зельдовичу передали данные, полученные КГБ от Фукса, он увидел, что разработанная Фуксом теория возмущений - один из элементов модели Дмитриева. Потом появились целые отделы женщин, на немецких вычислительных машинках Рейнметалл непрерывно обрабатывающих экспериментальные данные. И все руководители групп этих женщин по очереди стали академиками. Когда нам знаки лауреатов Сталинской премии меняли на знаки Государственной премии, Дмитриев был единственный, кто отказался менять знак. Он и сейчас жив, и работает там же. Видимо, немножко скучает. Ему не с кем что-нибудь обсуждать.

Ландсбергис. И как же Ландау сделал вас академиком?

Сухов. Да. И в чем недоразумение?

Сахаров. Ландау был против. Увидев меня в списке кандидатов, он сказал: мы его не пропустим. У него в тот момент был забавный недостаток, он пришел к мысли, что физиком может быть только еврей.

Абалкин. Т.е. что-то вроде болельщиков "Спартака". Чемпионом может быть только "Спартак".

Сахаров. Его уговаривали. Он ни в какую. Тогда Гинзбург предложил вариант: после первого тура они получат 50% голосов, Сахаров и, например, Гинзбург. А после второго Сахаров вылетит. Но будет вполне правдоподобно. Демократично. Берия узнал об этом, и Курчатову сказали, что если Сахаров не станет академиком в первом туре, вакансия будет снята. Курчатов передает Харитону: надо что-то сделать, а то неудобно, из кандидата наук - и сразу в академики. Харитон вызывает меня, а он себя считал автором "слойки", и просит написать какой-нибудь реферат. Об академии ни слова. Иду советоваться к Дмитриеву. Он что-то мне говорит, уже не помню что. Пишу реферат. Харитон дает указание составить акт о заседании ученого совета, на котором мне по этому реферату присвоена докторская степень. А через 18 дней арестовывают Берию. Выборы опять откладываются. Все уже было согласовано, но обстоятельства изменились. И вот наконец Курчатов выдвигает меня в академики, минуя промежуточную ступень члена-корреспондента. Но уже через неделю собирается ученый совет под председательством Абрама Исааковича Алиханова и выдвигает меня только в член-корреспонденты. Страсти накаляются. И тут неожиданно от

Ландау передают Алиханову, что оказывается у Сахарова крестный отец Гольденвейзер Александр Борисович, и значит за Сахарова можно голосовать. Алиханов вновь собирает ученый совет, который выдвигает меня уже в академики. Этот звонок Алиханову и решил мою судьбу. Да и не бывает так, чтобы в человеке все было противно. Так я стал академиком.

Распутин. Вы так спокойно об этом говорите. Лев Николаевич Гумилев, оправдываясь, говорит: я не виноват, что у моего отца и у меня все следователи были евреи и меня очень больно били.

Сулейменов. Цветаева говорит: "Не могу простить евреям, что они кишат".

Сахаров. Здесь то, о чем говорил Гагарин: так будет всегда при выделении ученых в сословие. Если бы академию захватили русские, или литовцы, было бы то же самое. Евреи тут не при чем. Вообразите, что вы родились евреем. И что, вы уже виноваты в том, что у Ландау слабоумие избранничества? Когда-то Ландау работал тут у вас в Харькове, и Ласло Тисса, работавший в группе Ландау, объяснил Ландау, что в жидком гелии должны быть две скорости звука. Группу разогнали, и Тисса, оказавшись во Франции, опубликовал там в 1938 году пионерскую статью: о температурных волнах в гелии. А в 1944-ом Пешков, в институте Капицы, обнаружил эти скорости экспериментально. При этом Ландау несколько раз в день заходил к Пешкову, так что экспериментальные данные сначала попадали к Ландау, а только потом к Пешкову. Ландау должен был первый создать теорию сверхтекучести гелия. Такую, которая бы совпадала с экспериментами Пешкова. И Ландау написал, что с работой Тисса он не знаком, потому что из-за войны его публикация до него не дошла. А зачем ему ее читать, ведь Тисса все рассказал ему еще в 1937-ом. Все три "эпохальные" статьи Эйнштейна 1905 года подписаны двумя фамилиями: Эйнштейн и Марич. Сейчас эти статьи изъяты из архива журнала. Статьи написаны Марич, но у них была договоренность: держать язык за зубами. Прошла целая вечность, и ему дали нобелевскую премию именно за эти статьи. И пришлось отдать все деньги Марич. История повторяется; с той лишь разницей, что Ландау не отдал деньги Тиссе и Пешкову. Потом точно такая же история произошла в 1946-ом. Ландау был на семинаре, где Власов делал доклад о затухании волн в плазме. Ландау тут же опубликовал в журнале услышанное и теперь это затухание носит название "затухание Ландау". А Гольденвейзер был пианист. Часто играл с Толстым в шахматы. Присутствовал при его кончине в Астапове и подписал его завещание. Толстой говорил ему: а вы вот на фортепианах играете. Но, разумеется, это все-таки лучше, чем многое другое. Вы по крайней мере никого не должны убивать. Это кажется не очень понятным. И только сейчас, когда появился канадский пианист Глен Гульд, и сказал, что концерт - это мошенничество; и что жить концертами - это растрачивать себя попусту, - странная мысль Толстого стала для меня проясняться...Удивляешься на решительность суждений глупых, недумающих людей, говорил Толстой. Тот, кто думает, знает, как сложно всякое умственное утверждение и часто как сомнительно. А разве может быть иначе. Утверждение Гагарина было такой сложностью. Толстой говорил Гольденвейзеру: вера в личное бессмертие мне кажется каким-то недоразумением.

Распутин. Те, которые верят, не вызывают доверия. Потому что для этого нет никаких оснований.

Сахаров (улыбается). А тот, который знает, что это невозможно - скорее всего коммунист.

Абалкин. Тогда Вам от нас спасибо.

Сулейменов. А пока, говорит Платонов, жизнь состоит в том, что она исчезает. Но если жить правильно - по сердцу, долгом - то не появится никаких вопросов, (*Айдаку*) и будешь заниматься проблемой усиления внутреннего влагооборота земли. И не появится желание бессмертия. Может появиться скорее от нечистой совести. А ведь еще живы те, которые разговаривали с Цветаевой. А та видела сына Пушкина. А тетка Шергина, Глафира Васильевна, говорила ему, дедушка ей рассказывал, что видел человека, который присутствовал при казни стрельцов.

Абалкин. Тогда же и произведено Петром выделение ученых в сословие. И Ломоносова уже приглашают ко двору с докладом о последних работах Академии. Он сообщает кружку придворных дам о причинах бурь и ветров. - Дарьюшка, ты уразумела ли? - спрашивает Елизавета Петровна. - Чего не понять, Господь батюшка чем хочет, тем и шумит, - отвечает Голицына. И немцы сочинили нам историю.

Распутин. И судьба Власова, Дмитриева, Лаврентьева нам уже не важна.

Сахаров. Их судьбе я могу только завидовать. У меня был странный разговор с Василием Васильевичем Леонтьевым, о котором я уже рассказывал. Он спросил меня, умные ли евреи люди? Я был удивлен не столько некорректности вопроса, сколько самому вопросу. Он пояснил, что закончил в начале двадцатых годов медицинский факультет вашего, харьковского, университета. 98% студентов факультета были евреи, - так он сказал. К нему относились хорошо, считали евреем. Во время войны при срочной эвакуации из Харькова у него оказалась машина, и он заехал к одному из своих близких друзей, потом ко второму, - евреям. Неожиданно они оба категорически отказались бежать. Сказали: советский рай мы видели, посмотрим немецкий. Впоследствии ему передали: оба были застрелены в тот же вечер у себя на квартирах. Василий Васильевич объяснил, почему этого нельзя понять, и я перевел разговор на другую тему. Олег Лаврентьев в 18 лет ушел добровольцем на фронт, участвовал в боях за освобождение Прибалтики. А я, окончив Московский университет в 1942 году, работал учетчиком в женской бригаде лесорубов. Ландау тщательно следил за комсомольцами, помогшими свергнуть Власова с завкафедры. Одному из них было предложено написать план будущей кандидатской диссертации, и ученый совет под председательством Леонтовича засчитал этот план за докторскую диссертацию. Сейчас он вице-президент академии наук и курирует с 1977, под надзором Гинзбурга, выборы академиков в области физико-математических наук. Когда я был еще школьником, рассказывает он, дед вывел мне уравнения Максвелла, я до сих пор этим выводом и пользуюсь. Как можно вывести уравнения Максвелла? Как можно вывести первый закон Ньютона? А ведь он по специальности физик-теоретик! Это катастрофа. Среди специалистов

по проблеме управляемого термоядерного синтеза, которую он возглавил после Арцимовича, которого, по его словам, будучи его секретарем, он научил школьной физике - он всегда подрабатывал репетиторством - считается, что им якобы открыта некая неустойчивость, очень важная для работы МГД-генераторов. Однако в действующих установках она не наблюдается. Поэтому там его считают специалистом по термоядерному синтезу. Коэффициент полезного действия его МГД-генератора значительно ниже паровоза, а почему? Он взял твердое ракетное топливо, добавил ионизирующую присадку - и готово. Однако для ракеты существенна тяга. Сама по себе температура не так важна. А для генератора - важна, это требует совершенно другой рецептуры топлива, существенно, в два раза, меняющей соотношение горючего и окислителя в топливе. Школьной физики здесь недостаточно. Отсюда низкое кпд, вся выработанная энергия идет на собственные нужды, в результате усложнение электрической схемы, утяжеление установки в три раза, ну, конечно, Государственная премия, это как положено.

Абалкин. Все дело в деньгах. Низкое кпд - это хорошо. Больше можно потребовать денег.

Сахаров. Его так и зовут, как и Арцимовича - гений бухгалтерии. Если бы термоядерным синтезом занимался Лаврентьев...Впрочем, как там у Чехова?

Абалкин. Спасение в отдельных людях. Разбросанных там и сям. *(Ландсбяргису)* К Вам это не относится.

Сахаров. Лаврентьев, еще до университета, на сержантское довольствие выписывал журнал "Успехи физических наук", и журнал ему на Сахалин приходил! Нам часто говорят о преступлениях Сталина, и ничего - о его хозяйственной деятельности. А она занимала у него все его время.

Абалкин. Чаадаев говорит об этом: личная диктатура, будь она хорошая или дурная, вызванная необходимостью, или лишенная настоящей основы, всегда будет печальной временной мерой. В истерии вокруг имени Сталина нет ничего, кроме желания действительных людей как-нибудь удержать свои излюбленные идеи. Да, читал Толстого, приходил во МХАТ, пытался соответствовать. Но утвержденный им гимн все же свидетельствует о его служебном несоответствии. И других доказательств не нужно. Что же касается преступлений, то их несравненно меньше, чем у Черчилля или любого американского президента. Просто они не считают их преступлениями.

Сулейменов. Оригинальная черта Запада, пишет Гагарин, состоит в том, что он признает только насилие. А все прочее считает предрассудками. Захватив Индию, англичане уничтожили систему орошения земель, вызвав голод, эпидемии и - вечный, как они надеялись, контроль над страной.

Абалкин. Об этом не пишут. Потому что это плохо продается.

Айдак. А что там за история с Лысенко?

Сахаров. Я в этом не разбирался. Но судя по статье Колмогорова 1940 года на эту тему, Колмогоров считал правым Лысенко: селективное оплодотворение и неравная жизнеспособность играют решающую роль. А менделевская и моргановская генетика - иногда работает как первое приближение. Колмогоров, как и Курчатов, Капица, не хотели конфликта с правящей академией группой. Сталин многократно беседовал с Николаем Вавиловым, и сделал такой же вывод. Шельмование Лысенко - это наверняка борьба за финансирование; но деталей я не знаю.

Айдак. А судьба Вавилова?

Абалкин. Я думаю, что "необъятная власть генсека" часто ограничивается пределами Кремля. За кремлевскими стенами его распоряжения входят в жизнь только в том случае, если они не противоречат интересам непосредственных исполнителей.

Сахаров. Арцимович внимательно следил, чтобы деньги шли только ему. Чтобы не финансировались работы Лаврентьева.

Сухов (*Лансбяргису*). Расскажите нам о литовцах.

Ландсбяргис. Один из наших миссионеров, повидавших мир, предупреждал своих братьев: более замкнутых в исповедальне людей, чем литовцы, особенно мужчины, нигде в мире нет. У русских всегда были секты, проповедавшие гласную исповедь. Для литовца это немыслимо. Основную черту литовского духа верно подметил еще в XI веке хронист Адам Бременский, характеризуя нас словом "человечный" - homines humanissime. Эта черта - человечность - сохранилась в литовце и поныне. Она дана ему от природы. Любая наша деревня - словно единая семья, а все соседи словно родственники. Литовец не способен замкнуться в кругу своей семьи. В свободное время, без особых надобностей, он навещает соседей. Литовец говорит: "Надобно человеку с человеком встретиться". Побыть с человеком для меня имеет такой же смысл, как для человека иных краев кино или цирк. Высшей ценностью для литовца является живой человек как таковой, а не политическая амбиция, не хозяйственный интерес, не теоретическая истина, не внешний вид и даже не религиозное чувство. Это говорится не затем, чтобы усомниться в значимости для литовца теоретической истины или религиозного чувства. Они становятся значимыми только будучи связанными с главной социальной ценностью - человечностью. Именно эта ценность глубже всего переживается литовцем, и определяет силу его мышления и манеру поведения. Печатью человечности отмечены у нас все обыденные жизненные отношения. Особое литовское хлебосольство хорошо известно. Каждая семья, отмечая праздники, старается как можно лучше принять своих гостей. Как говорится, отрывая от себя...

Сулейменов. Именно! Шергин говорит о Константине Симонове: у сего "гада века своего" рёв звериный, унылый, страшный. Материт убивших сына: сволочи, убью! Ваши сыновья воры, жулики; мой любил кино, радио, спорт; уважал девушек!

Ландсбяргис (*не слышит*). В чем своеобразие литовцев? Прежде всего, дружелюбие литовца определяется тем, что в основе его лежит не утилитарный расчет, не рациональное подчинение

обязанностям, навязанных сверху, а главным образом врожденное добросердечие. В душе русского всеобщая любовь к человеку может существовать с таким же всеобщим к нему презрением. Один из персонажей Достоевского признается: я так люблю человечество, что готов за него на смерть пойти, но не могу и суток вынести человека в одной комнате.

Сулейменов. Именно! Шергин всю жизнь прожил в общежитии. В подвале. Ноги прохожих шаркали по подоконнику. Говорил: если писатель умен и добр, большую пользу принесет ему многолетняя жизнь в многолюдной коммунальной квартире.

Ландсбяргис. Русский может и самого себя искренне презирать. Если себя презираешь, на каком основании тебя должны уважать другие? Если человечность основывается на любви к человечеству, жертвование одним человеком во имя счастья человечества - дело обыденное. В этом вся суть советского гуманизма - насилие над человеком во имя человечества. Большевизм является выражением русского гуманизма. Большевизм - специфически русское явление. Иван Грозный и Ленин - представители той же русской духовности, что и Достоевский и Соловьев. Широка русская душа - все четверо Карамазовых в ней по-братски умещаются: и Алеша, и Дмитрий, и Иван, и Смердяков. Русский всегда искренен. И в любви, и в ненависти. Ему все братья. Гордая напыщенность для русского столь же мало возможна, как и для немца - сердечность. Литовец же соединяет в себе сердечность и гордость. Литовец сердечен, поскольку открыт человеку. И вместе с тем горд, поскольку знает себе цену как человеку. Наша гордость не отрицает сердечности. Литовец горд не потому, что презирает других, а потому, что сам себя уважает. Поэтому литовец и остается скромным. Не вопреки! А как раз благодаря своей гордости. Бахвальство чуждо нам. Из-за этой внутренней скромности даже то, чем литовец может гордиться, остается скрытым от посторонних глаз. Особенным является отношение литовца к авторитету - "власти". Здесь для литовца характерна глубокая самостоятельность. Если для русского - "начальству виднее", то литовец чувствует потребность прежде, чем подчиниться, самому критически осмыслить происходящее. Авторитарное указание не освобождает нас от личного самоопределения. Для меня существует только такой авторитет и такое указание, которое я свободно принимаю. Литовец, даже будучи порабощенным чужими, остается внутренне свободным. Над ним можно учинить насилие, но нельзя поработить его дух.

Абалкин (*апарте*). Ваше Величие, лучше бы вам не слезить своего белого лица.

Ландсбяргис. Враг может захватить землю литовца, но его сердце - никогда! Литовец по своей природе не зависимый, а свободный человек. Для литовца человек ценен сам по себе, а не только как представитель человечества или земляк. Если русский соотносится с человеком как бы посредством мистического единения человечества, немец - посредством выполнения общественных поручений, то литовец - непосредственно как человек с человеком, как неповторимая личность с неповторимой личностью...Не знаю, стоило ли мне здесь говорить.

Распутин (*Сахарову*). Литва, наверное, ярче и яснее видна с других планет.

Сахаров. А ночью луна озаряет Литву как подводное дно.

Сулейменов. Толстой считал патриотизм источником войны. Предпочтение своего государства или народа всякому другому государству и народу. Гагарин возражает ему: антипатриотизм - отчуждение от предков.

Ландсбяргис. Но тогда почему я здесь? Я должен был им это сказать.

Абалкин. Именно! Как замечательно Вы сказали о Достоевском! Святая убежденность Достоевского в неспособности крымских татар правильно возделывать землю кого угодно поставят в тупик. Достоевский пишет в "Дневнике писателя": Я недавно с большим удивлением открыл, что есть в Петербурге мужики, мещане и мастеровые совершенно трезвые, совсем ничего не "употребляющие", даже и по воскресеньям. И не то собственно меня удивило, а то, что их несравненно, кажется, больше, чем я мог предположить. По воскресеньям к вечеру - по будням их совсем не видать - очень много, всю неделю занятого работою, но совершенно трезвого люда, выходят на улицы.

Сулейменов (*продолжает*). Они никогда не заходят на Невский...

Абалкин. ...а так все больше прохаживаются около своих же домов или идут "прохладно", возвращаясь с семействами из гостей, всегда разодетые по-праздничному. Наряды плохи и стары, на женщинах пестры, но все вычищено и вымыто к празднику, нарочно к этому часу. Ему 52, уже написаны "Преступление и наказание", "Идиот", "Бесы", а он с большим удивлением открыл.

Сулейменов. Гагарин говорит: Достоевский несомненно доказал свою иностранность. Для него безусловная свобода - милое дело. У Толстого равенство, свобода - это упразднение частной собственности и равный доступ к образованию. И всё.

Ландсбяргис. И всё.

Абалкин. Вот и весь секрет Советского Союза.

Айдак. Не весь. В другой бы стране не получилось, Россия - страна крестьян...

Абалкин. ...и климата, не предназначенного для жизни.

Сулейменов. Я не понимаю, как люди могли дойти до мысли, что земля может быть чьей-то собственностью, говорит Толстой Полю Деруледу, приехавшему к нему объяснить выгодность союза Франции и России против Германии. И было видно, что Толстой не понимает. Ну, знаете, эта теория растяжима, отвечает гость, тогда можно сказать, что и сюртук мой - не моя собственность. Конечно! Не только сюртук, но ваши руки, ваша голова - не ваша собственность. Ну, уж нет! Я не хочу остаться без головы. Толстой: моя голова мне не принадлежит. Дерулед просит одолжить голову. Гагарин говорит: родным Достоевскому был, очевидно, Запад. Не Россия. Которую он совсем не знал. Россию если он и

любил, то головою; не сердцем. Сердце его всецело принадлежало Западу. Был мистиком. Был убежден, что человечество находится в соприкосновении мирам иным, и не видит их, не живет в этих мирах, или по крайней мере не сознает своей жизни в них, - благодаря лишь настоящей своей организации. Но как только эта организация расстраивается, или, вернее, с точки зрения Достоевского, изменяется тем, что мы называем болезнью, так и начинаем мы видеть этот иной мир, начинаем ощущать его. Долг воскрешения для него пустой звук. Ни к чему не обязывает. Никакого дела не указывает. Все делается само собою, без участия человека. Без участия его ума, чувства, воли. Все способности его, и сам он, оказываются ни на что не нужными; все преподносится даром.

Абалкин. Достоевский, так же как и Библия, это Западный Канон. Изучение русской "славянской" души по Достоевскому - это у них там такая профессия. Так что, приступая к "Мелимброзии", своему первому роману, Вирджиния Вулф записывает: "Надо писать из самых глубин чувства, как учит Достоевский". Но позже она нечаянно обронила: его нельзя перечитывать. После смерти Достоевского Толстой стал читать "Братьев Карамазовых"; ему сказали, что это очень хорошо. И не мог побороть отвращения - от кривляния, высасывания из пальца, позы обвинителя: зло - в природе человека и т.п.. Легкомыслие и неподобающее отношение к важным предметам. Очень уж длинно и нескромно, пишет Чехов, много претензий. Все эти красота спасет мир, бога нет - и все позволено. Борхес пишет Касаресу: мне так и не удалось пробиться сквозь "Братьев Карамазовых", я все пытался разобрать, о ком речь - о Дмитрии или Алеше; как ты сумел его прочитать, - не понимаю.

Сулейменов. Цветаева говорит: Достоевский мне в жизни как-то не понадобился; все бессмертные диалоги Достоевского я отдам за простодушный незнаменитый хрестоматический диалог в пушкинской "Капитанской дочке".

Абалкин. И когда мы читаем у Шаламова, что опыт гуманистической русской литературы привел к кровавым казням двадцатого столетия - это ведь тоже дурная "достоевщина". Какой же вывод из Достоевского, спрашивает Платонов. И отвечает: человек - это ничтожество, урод, дурак, тщетное, лживое, преступное существо, губящее природу и себя.

Сулейменов. У Гагарина человек не царь природы. О нем нельзя сказать, что он создание природы. Он результат именно недосоздания. Гагарин указывал врага: это природа; зло в самой природе, в ее бессознательности. Платонов ничего об этом не знает. У него человек не мера всех вещей, а - так себе, ни плох, ни хорош, возможность природы. Но категории врага у него не существует. Его нет ни в мёртвой ни в живой природе.

Абалкин. Помню спектакль МХАТа и суд над Митей Карамазовым, показания доктора Герценштубе. Когда-то доктор был молодым человеком лет сорока пяти, а Митя - малюткой, брошенным на заднем дворе. Бегал без сапожек с панталончиками на одной пуговке. Доктору стало жаль мальчика и он спросил себя: почему он не может купить ему один фунт, он забыл, как это называется. Фунт того, что дети очень любят. Растет на дереве, его собирают и всем дарят. Нет, не яблоки, фунт! Яблоки десяток. Их много и все маленькие, кладут в рот и кр-р-ах! Орехи! И он принес ему фунт орехов, ибо мальчику никогда и никто не приносил фунт орехов. И он поднял свой палец и сказал по-немецки: "Мальчик! Gott der Vater", а тот засмеялся и говорит: "Gott der Vater". Смеялся и лепетал: "Gott der Sohn", "Gott der heilige Geist". Все смеялся и говорил сколько мог: "Gott der heilige Geist". И доктор ушел. На третий день, завидя доктора, Митя кричит: "Дядя, Gott der ater, Gott der Sohn". И только забыл Gott der heilige Geist. Но доктор напомнил и ему опять стало жаль мальчика. Потом Митю увезли, и доктор больше не видал его. Прошло двадцать три года. Доктор сидит утром в кабинете, с белою головой, и вдруг входит цветущий молодой человек, которого он никак не может узнать, поднимает палец и смеясь говорит: "Gott der Vater, Gott der Sohn, Gott der heilige Geist! Я пришел вас поблагодарить за фунт орехов. Мне никто никогда не покупал тогда фунт орехов, а вы один купили мне фунт орехов". Доктор вспомнил свою счастливую молодость, бедного мальчика на дворе без сапожек, у него повернулось сердце и он сказал: "Ты благодарный молодой человек, ибо всю жизнь помнил тот фунт орехов, который я тебе принес в твоем детстве". И он обнял его и благословил. И доктор заплакал. Митя смеялся, но он и плакал, ибо русский человек часто смеется там, где надо плакать. Но Митя и плакал, доктор видел это! И вот сейчас, на суде, доктор свидетельствует об этом.

Сахаров. Мария Андреевна Платонова мне говорила: начинаю читать Достоевского, и сразу плачу.

Абалкин. "И теперь плачу, немец, и теперь плачу, божий ты человек!" - кричит Митя - Ливанов. Я не знаю, что считал центром фабулы постановщик спектакля, - там было много прекрасных работ, - но центром спектакля был доктор Герценштубе в исполнении Владимира Александровича Попова. Не знаю, в чем здесь дело. Проходят десятилетия, а я помню все в деталях.

Сулейменов. Лишь мертвые питают живых.

Абалкин. Мне кажется, Владимир Александрович, играя свои роли, забывал о себе. Когда-то он играл Алешу в "Братьях Карамазовых"; в первой экранизации. Фильм снимали в арендованных подмосковных дачах с большими застекленными террасами. Грушеньку играла Шевченко. Через 45 лет они снова играют вместе в "Плодах просвещения". Кедров поставил *Плоды* к шестидесятилетию постановки пьесы Станиславским, тот играл Звездинцева. Татьяну играла Лилина. Попов всю жизнь помнил первую постановку "Трех сестер". "Меня волнует, оскорбляет грубость, я страдаю, когда вижу, что человек недостаточно тонок, недостаточно мягок, любезен", - говорила Маша-Книппер. И он выходил после спектакля с блуждающими, как у Книппер, глазами. С "Тремя сестрами" у него связана вся жизнь. И если он не играл Ферапонта в сегодняшнем спектакле, он все равно здесь: когда Маша, теперь ее играет Юрьева, глядит вверх и говорит: "Милые мои, счастливые мои...", а он за кулисами воспроизводит звуки летящих

диких гусей. Сейчас Болдуман в роли Вершинина входит во втором действии в гостиную и в зрительном зале становится холодно. Может быть, он чувствует этот холод в Ялте в последние зимы Чехова? Видимое оказывается зыбким в сравнении с невидимым; невидимое и остается. Драматургия чувства совсем не то же, что драматургия событий. После Толстого и Чехова они уже иначе играют Достоевского. Это уже другой Достоевский. Станиславский и Попов столкнулись как-то за кулисами во время спектакля. "Тс-с-с!" Замер на одной ноге Попов. (*Стоит на одной ноге*.) И рядом в такой же позе замер Станиславский. (*Сахаров на мгновенье тоже приподнимает ногу. Ландсбергис сметает со стола шахматные фигуры вместе с чашкой. Занавес.*)

акт третий

Та же сцена. Абалкин и Ландсбяргис играют в шахматы. Перед Ландсбяргисом стоит горячая чашка шоколада. Серия быстрых ходов.

Сахаров. О "Чайке" Толстой сказал: вздор, ничего не стоящий. Суворин заметил, что Чехов умер бы, если бы это услышал от Толстого. Толстой говорит Суворину: я ему скажу, но мягко. И будет тихая польза. Странно, если он огорчится. Толстому уже было совестно писать про людей, которых не было. И которые ничего этого не делали.

Абалкин (*Сухову*). В пьесе "Чайка" два писателя, молодой влюблен в "Чайку", а она влюблена в другого, хорошего писателя.

Ландсбяргис. Который писал хуже Тургенева.

Абалкин. Молодого писателя в мхатовской "Чайке" играл Мейерхольд. Немирович писал Чехову: Мейерхольд мягок, трогателен и несомненный дегенерат. А может быть он иным? Нет. Не может.

Сахаров. Развитие литературы, взаимовлияние писателей...Толстой говорит: может быть это и интересно, но все это ни к чему. Лучше и полезнее чистить выгребные ямы, чем писать. Совестно писать, что было то - чего не было. Что-то здесь не так. Форма ли эта художественная изжила - думал он. Или я отживаю? Стыдно писать эти вымыслы. Если хочешь что сказать - скажи прямо.

Абалкин (*делает ход*). Я знаю, почему написана "Чайка". Никакие писатели тут не при чем. Он не мог забыть, как Стрепетова плакала после третьего акта его "Иванова", в Александринском театре, она играла роль Сарры. И все актеры от радости блуждали, как тени. Не мог забыть Дузе в шекспировской "Клеопатре".

Ландсбяргис. Шекспировской!

Абалкин. Именно! Глядя на Дузе, Чехов начинает понимать, почему ему в театре скучно. Он посвятил им свою *Чайку*. И увидев пьесу на сцене, он сказал: лучшей Чайки, чем Комиссаржевская, я себе и представить не могу! (*Ландсбяргису*) Вирджиния Вулф пишет: мы не знаем, что именно Шекспир думал о женщинах...А Толстой не видел, как Коренева, через сорок лет после его смерти, играет в его "Плодах просвещения". Voila tout. В 1958 году МХАТ дал в Лондоне 36 спектаклей. Отклики были одинаковые: искусство чрезвычайного, неслыханного совершенства. Лоуренс Оливье сказал: ничего подобного я и представить не мог...Как-то со мной увязался во МХАТ приятель, обычно посещавший театр от случая к случаю. Давали "Воскресение". Спектакль старый, шел довольно редко, публика была случайная. Матрену играла Зуева. После сцены Матрены и Нехлюдова в зале началось нечто вроде истерики. Овации бесконечные. Реакция моего товарища была своеобразной. После спектакля он заявил, что больше никогда в театр не пойдет. Потому что ничего подобного он никогда не видел, не мог даже вообразить и, ясно, никогда больше не увидит. Потому что повторить или даже близко к этому приблизиться - невозможно. И значит, больше не имеет никакого смысла ходить в театр. Так кажется и поступил...Зуева в этой сцене ни разу не повышает голоса. Сцена идет в середине акта. Лет десять назад я случайно встретил этого оригинального театрала, и первое, что он спросил: - Помнишь?..Ну, как Зуева, жива? Забыть невозможно. Так и стоит перед глазами...Ведь если прочитать трактат Толстого об искусстве, он поражает. Но большинство идей становится понятнее, если прочитать его второй раз лет через десять, и в третий раз еще через десять лет. У Станиславского была такая возможность, и мы видим результаты. Чехов понял, что у него такой возможности не будет и простодушно сказал, что легко и приятно быть литератором, когда есть Толстой. И неважно, что ты этого в принципе не мог бы написать, Толстой делает за всех. И стал носить фотографию Толстого всегда при себе.

Сахаров. Толстой знал, кто он. Закончив трактат, он сказал: труд мой не пропадет даром, и повлияет на всё дальнейшее движение искусства.

Абалкин. В 1917 году Зуева и Станиславский выступали в чайной на Таганке, после собрания легковых и ломовых извозчиков. Он читал монолог Фамусова. Извозчики были озадачены. Когда он закончил, стояла тишина. Никто не знал, как реагировать. Никто не понимал, почему этот пожилой барин так взволнован. Но им сказали, что сегодня перед ними будет выступать "наибольший" актер - как они просили, и они устроили ему, как смогли, "бурную" овацию. Зуева с большим успехом читала рассказы, а после Станиславского еще и спела. Она его успокаивала - ну, извозчики! Не помогало. Не важно, что они ничего не слышали о Грибоедове, актер должен захватить своими переживаниями любую аудиторию. Если в чайной его не поняли, виноват он. МХАТ возникает именно в тот момент, когда Толстой заканчивает трактат, над которым работает непрерывно пятнадцать лет. Актер должен захватить своими переживаниями

любую аудиторию и если его не поняли, виноват он, - это Толстой, трактат об искусстве, глава десятая. Очевидно, Толстой не прав, только легкомысленный человек мог сказать, что хорошее искусство всегда понятно всем. Но Станиславский воспринимает не только слова, но и интонации. И другие его слова. И дела. Даже в годы работы над "Войной и миром", "Анной Карениной" летом Толстой почти не пишет, в страду проводит в поле целый день.

Ландсбяргис. О чем бы вы ни говорили, вы все равно пригребаете к МХАТу.

Сухов (*Абалкину*). Да. Расскажите нам о Станиславском.

Абалкин. Вот! (*Ландсбяргису*) Что такое бессмертие, нам трудно это представить. Но путь к нему понятен: ставить перед собой сложные задачи и решать их. Вот Чаадаев - восемнадцатилетним надевал белую рубаху, готовясь к верной смерти на Бородинском поле. Сражался под Кульмом. Вошел в Париж. Через двенадцать лет вернулся, чтобы проверить воспоминания. В Париже грязь страшная. В палате депутатов увидел знакомого, в виде военного министра. Тот влез на кафедру и страх как заврался. Потом был в Лондоне, Женеве, Милане, Флоренции, Карлсбаде. Догадался, что не Европа, а он переменился. У них нет ответов на сокровенные вопросы. Засел за исторические письма. Тоже самое можно сказать о Толстом. Они ставят перед собой сложнейшие задачи. А Немирович не понимал текстов Толстого и Чехова. Считал, что Толстой болтает глупости. В "Трех сестрах" у Чехова четыре молодых интеллигентных женщины. Андрей там говорит о своей жене Наташе: она не человек. Георгиевская у Немировича так и играет Наташу. А Наташа - это Авилова. Любимая женщина Чехова. Товстоногов продолжил дело Немировича: сверхзадача его спектакля - душевный паралич персонажей. Сверхзадача - термин Станиславского. Но понимание термина у Товстоногова как у Немировича. Немирович говорит: в "так называемой системе Станиславского" большую роль играет внимание к объекту. А внимание к объекту - это Малый театр. Станиславский говорил: Малый театр - мои университеты, но театр Станиславского отличается как от шекспировского театра, так и от Малого театра. Система Станиславского - это приложение и развитие трактата Толстого, и следовательно актеру Станиславского нужно согласовывать свои действия не только с партнерами и зрителями, но и с носителями "высшего для своего времени миросозерцания", т.е. с Толстым и Чеховым. А сегодня - уже ставя Толстого и Чехова, нужно согласовывать свои действия с Платоновым.

Сахаров. Толстой говорил о жене: она любит меня такого, какого уже давно нет.

Абалкин. Именно! Немирович знал и любил театр, который был до Толстого, Чехова и Станиславского. И в "перевоплощения" - не верил. Формула Немировича: "я скажу, как надо играть" - уродовала театр. Это ужасно, сокрушался Станиславский, как в прошлом я мог диктовать актеру, что он должен чувствовать. Где и как сидеть, стоять, двигаться, говорить. Когда у актера - по Толстому - понять другого человека, становится главной задачей, актеры в лучших своих ролях оказываются умнее авторов-классиков. Репетируя со Станиславским "Таланты и поклонники", они обнаруживают, что Островский философичнее Шекспира. Уже у Островского, как и позже у Платонова, люди связаны между собой более глубоким чувством, чем любовь, ненависть, зло, мелочность. Они товарищи даже тогда, когда один из них явный подлец. Тогда его подлость входит в состав дружбы. Именно этим чувством пронизаны пьесы Островского. Пример такого спектакля - "Правда хорошо, а счастье лучше" в Малом театре, в постановке Бабочкина.

Ландсбяргис. Философ Бахтин говорит о пьесах Островского, что "это бытописательская драматургия, слабая, лишенная философического содержания".

Абалкин. Именно! Он рассуждает в рамках еще аристотелевых представлений. Если по Аристотелю сюжет - основа и душа драматического произведения, то Чехов вслед за Островским повторяет: никаких сюжетов не нужно...А вслед за Чеховым повторяет Вирджиния Вулф. Чем сложнее видение, тем невозможнее для него стать сатирой. Вот, например, Манилов Кедрова. Интеллигентный, доброжелательный человек, немножко фантазер. Его отношения с женой нежны и трогательны. Предложение Чичикова о мертвых душах он встретил мужественно, и только Лизонька - Калиновская чувствовала его потерянность и беззащитность перед непостижимым. Граница между сатирой на сентиментализм и гимном сентиментализму в исполнении Кедрова была неуловимой. Вот и Чехов говорил: играют лучше, чем я написал. Зуева играет коллежскую регистраторшу Настасью Петровну Коробочку больше тридцати лет; и чем дальше, тем лучше. Гагарин говорил Толстому: лучшее произведение русской литературы - ненаписанный Гоголем третий том "Мертвых душ".

Ладсбяргис. Коренева, Орлов, Кедров, Ленникова...Кто-нибудь что-нибудь слышал о них?

Абалкин. Именно! Ваш Мильтинис любит повторять, что великим мастерам сцены чуждо тщеславие. В его театре, в Паневежисе, актеры не выходят на авансцену после спектакля, нет их портретов в фойе. И кто здесь знает народного артиста СССР, кавалера Ордена Ленина Юозаса Мильтиниса? Он был дикарь, избегал известности.

Ландсбяргис. Всегда говорил, что думал.

Абалкин. Как Гагарин? (*Делает ход*.) Но Гагарин утверждал, что это сейчас невозможно. В будущем, может быть...

Ландсбяргис. И делал то, что задумал.

Абалкин. Или как Немирович-Данченко? Во время встречи со Станиславским в "Славянском базаре", закончившейся через восемнадцать часов утром, за кофе, уже на даче в Любимовке - откуда и берет свое начало МХАТ, Немирович расчувствовался. Ведь ни разу не заспорили! Нам с вами надо еще установить: говорить друг другу всю правду прямо в лицо. Станиславский ему: я этого не могу. Немирович: я даю вам

это право. Станиславский: Вы не поняли, я не могу выслушивать правду. Доктор Львов, кажется, единственный отрицательный персонаж Чехова. Всегда и всем говорил только правду.

Сулейменов. Познай самого себя! - говорит Цветаева - это нисколько не облегчает познание другого. Наоборот!

Абалкин. Что такое анализ роли у Станиславского? Когда актер плачет от отчаяния - это анализ. Обнаруживает, что другой - тот, кого он играет - оказывается более значительным, чем он сам. И находит в себе возможности, о которых не догадывался.

Сахаров. Толстой говорил, что человек не имеет никакого представления о своих возможностях.

Абалкин. Актеры защищали своих персонажей от вторжения посторонних в их личную жизнь - ведь это была уже их жизнь: только то, что разрешено самим персонажем, - больше ничего не известно. Сам Чехов защитил себя и Авилову на сто лет вперед, надежно скрыв ее в тексте пьесы. А Немирович профессионал. Выделенное сословие. Это всегда вырождение. Профессионал - это тот, кто передает чувства, им неиспытанные, незнакомые. Толстой, как и Чаадаев - непрофессионал. Он - поручик артиллерии. Защищал Севастополь от неприятеля в Крымской войне. Изучал проблемы просвещения, открыл Яснополянскую школу для крестьянских детей. Исследовал переводы евангелия. Чехов - холерный врач. Переписал население Сахалина. Беседовал с каждым. Станиславский - купец. В 1900 году золотая нить московской золотоканительной фабрики получила Гран-при Всемирной парижской выставки. Станиславский удостоен диплома и золотой медали. Что позволило ему открыть МХАТ. Фабрика стала в своей отрасли крупнейшей в мире. Освоила выпуск электротехнической продукции — кабелей и проволоки. Именно она обеспечила ленинскую программу электрификации. Нелепый, вздорный старикашка - таким мы видим Станиславского у Булгакова.

Сулейменов. Платонов тоже непрофессионал. Он паровозный машинист, электрик и мелиоратор. Прошел всю войну, в солдатской землянке. Пишет жене: я, ты ведь знаешь, привык к машинам. А в современной войне сплошь машины. И от этого я на войне чувствую себя как в огромной мастерской среди любимых машин.

Айдак. Техника есть именно признак воодушевленного человеческого труда, и она лежит в начале всякой культуры, а не в конце ее.

Абалкин. Не понимаю, говорит Вирджиния Вулф, как мы до сих пор обходились без автомобиля. Бóльшая часть викторианских ужасов объясняется тем что люди ходили пешком или ездили на потных лошадях.

Сахаров (улыбается). И "теоретической" физики не существует.

Абалкин. Именно! Это жалкое приспособленчество к физике. Подобная ситуация и в литературе. И в театре: "театр представления". В мятлевских "Сенсациях г-жи Курдюковой", Мятлев - любимый поэт Лермонтова, *Сенсации* шли на сцене Александринского театра, о посещении миланского *де ла Скала* мадам де Курдюков говорила:

И на все свои есть жесты,
И для всех уж жест один,-
Точно будто ряд машин!
Размахнут руками вправо,
Это значит: славно! браво!
Руки влево, вздернув нос,
Это значит: вот вопрос!
Рук обеих опущенье
Это значит: огорченье!
Топ ногой и вверх кулак,-
Это уж обиды знак!
А кружатся, и танцуют,
Это значит: торжествуют!

Как будто описывает идущие через сто лет спектакли Мейерхольда. Или сегодняшних его учеников. А вот о посещении мадам театра в Мангейме, Германия:

...что за кулисы!
Месяц, звезды, облака,
Замки, корабли, река,
Право, страх как натурально!
Но актеры уж формально
Просто куклы...

А это уже наше время. В "Трёх сёстрах" у режиссера Анатолия Эфроса все актеры должны были подпрыгивать, - вот тебе и мадам де Курдюков. Актер не может быть умным человеком, говорит Эфрос. По крайней мере он, Эфрос, лично с этим не сталкивался. Более того, он не знает такого примера в истории театра. Он не знает.

Сулейменов. Горький пишет Платонову: "судить о достоинствах вашей пьесы мешает мне плохое знание среды и отношений, изображенных вами". Сложность и глубина "простого" человека, "как существа с мускулистым мозгом и полнокровным сердцем" до Платонова - в литературе не существовали. Не были известны.

Абалкин. Но предсказывались Толстым в его трактате. И кажется, Вирджиния Вулф предчувствует это. В двадцать девятом году она пишет: талант не вырастает среди батрачества, темноты, холопства. Не расцвел он у древних саксов с бриттами. Не видно и сегодня у трудящихся. А уже написан "Чевенгур". И она явно взволнована. Свои предчувствия она выражает в стихах:

Fanno to par, etto to mar,
Timin tudo, tido,
Foll to gar in, mitno to par,
Eido, teido, meido.

Chree to gay ei,
Geeray didax...

Но она не знает, как перевести их на английский. На язык профессоров. И никто в Англии не знает.

Сулейменов. Но они переведены на русский, Хармсом:

Мы бежали как сажени
на последнее сраженье
наши пики притупились
мы сидели у костра
реки сохли под ногою
мы кричали: мы нагоним!
плечи дурые высоки
морда белая востра
на последнее сраженье
мы бежали как сажени
как сажени мы бежали
пропадай кому не жаль!

Он перевел их намного раньше, чем они были написаны. Что оказалось возможным благодаря гению Эйнштейна, - мы об этом уже говорили.

Абалкин. И как это замечательно! Какой точный перевод...Все началось с открытия школы-студии МХАТ имени Немировича-Данченко. Уже из названия следовало, что Станиславский там нежелателен. Вначале это не играло никакой роли, потому что на сцене играли Коренева и Попов, Добронравов, Зуева и Орлов, и студенты видели их на сцене. Точкой невозврата стало создание театра "Современник". Театр открылся пьесой "Вечно живые", написанной Розовым в осуждение и исправление клеветнического рассказа рассказа Платонова "Возвращение".

Сулейменов. А потом режиссер Мотыль поставил фильм "Белое солнце пустыни".

Абалкин. В течение первых десяти лет, когда происходит формирование актерских индивидуальностей, в театре не было поставлено ни одной классической пьесы. Проходят годы, и господин народный артист Табаков вспоминает о самом счастливом дне своей жизни: как он и другие "взломщики тишины" Олег Ефремов, Галя Волчек, Миша Козаков, поют "Интернационал". Одухотворенные лица, все еще верят в победу IV Интернационала, жадными взглядами провожают облака, плывущие на Запад. Там они пройдут над могилой Розы Люксембург. И - скупая слеза на щеке. Функции Розы Люксембург, невесты легендарного полевого командира Копенкина, коллегиально исполняют Александр Володин, Александр Гельман, Михаил Рощин и Михаил Шатров, члены КПСС, марксисты, их пьесы запрещены, и потому обязательны к исполнению во всех театрах страны. И по лицам актеров видно, что кончат они "голой пионеркой", и это неизбежно, они не боятся Вирджинии Вулф, они ее не понимают, и не могут играть ни Толстого, ни Цветаеву, ни Платонова. Чехова ставят как Лейкина. Возглавив театральное направление, неафишируемым эстетическим манифестом которого стала поэтизация маразма: ну, пожалейте этих, без мозжечка! Все дело в изменении лиц актеров. Поначалу они казались одухотворенными, потом - интеллигентными, сегодня - пустыми, у молодых - сплошь лицо счастливого корнеплода. Миссия завершена.

Сулейменов. И уже никто не воспринимает "Белое солнце пустыни" как издевательство над платоновской "Джан".

Абалкин. Представьте, что они решили поставить "Шинель" Гоголя. Вещь вполне циническая. Гоголь изобразил Чаадаева Акакием Акакиевичем. Мстил. Хотел уничтожить, тот не понимал православия.

Сулейменов. Скорее хотел понравиться государю...какую-нибудь льготу.

Абалкин. Народные артисты будут склонять Гоголя к IV интернационалу. Ну и конечно: все мы вышли из гоголевской Шинели и - Пушкин наше все, в русле широкомасштабной, наступательной операции русской интеллигенции: мы - без Толстого и Платонова.

Сулейменов. Гагарин говорил: если Пушкин и есть последнее слово, то ждать в будущем нечего, жизнь России кончена.

Абалкин. Мы без двадцатого века. Потому что вершина нашего искусства - именно XX век: Станиславский и его актеры, Цветаева, Шергин, Платонов.

Сулейменов. Архангельский северный народный говор у Шергина - это сохранившийся говор древнего Новгорода и древней Москвы; где словом украшали жизнь (*поёт*):

А и были люди миновалисе,
А их звали, величали забывалосе.

Древних людей всё хвалил. Древность и, скажем, средневековье - это юность, молодость душевно-сердечной, умно-мыслительной, восприимчивости, впечатлительности. Древний человек несравненно богат чувствами, воображением, памятью. Мало радуют ныне "специалиста" его знания. Будто кляча с возом.

Абалкин. Коренева умерла семь лет назад. Книппер пишет Чехову: генеральная прошла хорошо, после моего прощания с Вершининым с Савицкой сделался нервный припадок, она все кричала что нельзя так сильно играть и нельзя писать таких сцен, таких слов. Я глядя на нее принялась было вторично вопить, но меня убрали в другую уборную...Коренева видела этот спектакль.

Сухов. А что с сегодняшним МХАТом?

Абалкин. Не хочу об этом говорить.

Сулейменов. И все же?

Абалкин. Да и не о чем говорить.

Сулейменов. Значит, Зуева - о Ефремове и Смоктуновском - права?

Абалкин. При постановке чеховской пьесы во МХАТе совершенно не важно, что думают Ефремов и Смоктуновский о пьесе и персонажах. Ну, может быть в последнюю очередь. Они никогда не читали трактата Толстого и очень удивились бы, узнав, что Чехов носил при себе портрет Толстого. О системе Станиславского Ефремов слышал от Радомысленского, приставленного специальными органами к Станиславскому в качестве секретаря. Но очень важно, что думают сами персонажи. Даже не Толстой и Чехов, а сами персонажи. И те новые чувства, с которыми не могли совладать авторы. Коренева не эталон профессии, а нечто большее. Хотя конечно трудно что-то делать плохо, когда перед глазами такой образец. МХАТ в наше время был единственным напоминанием о Толстом и Чехове. Не тех, которых преподают, или о ком врут по телевизору литературоведы и театральные критики. При Шекспире не было театральных критиков.

Сулейменов. Платонов говорит: Шекспир был театральным критиком, брал чужие произведения и показывал, как надо.

Абалкин. Не было культурологов, политологов, литературных критиков. Эти обязанности исполняли священники. В театре Станиславского уже не может быть такого автора как Шекспир.

Сулейменов. А какие могут быть литературные критики, когда есть Толстой, Цветаева, Шергин, Платонов? Они и есть литературные критики, других уже быть не может.

Абалкин. Все дело в выражении лица. Взгляните на любого премьер-министра или министра иностранных дел Великобритании: у них одно и то же выражение - слабоумие избранничества. Премьер-министр Рэмси Макдональд в письме к Вирджинии Вулф сообщает ей о его рекомендации включить её в почетную свиту.

Сулейменов. Какой жалкий и пустой народец англичане, еще недавно защищали разрывные пули, пишет Гагарин, а сейчас имеют нахальство жаловаться на употребление таких пуль против них. Против них - это нарушение прав. Нужна была такая конституция, как английская, чтобы воспитать подобных гадин. Буры представляются уже колоссальною величиною пред британским ничтожеством. Гагарин пишет: конституция есть признание забавы целью жизни и народоразвращающее средство. В этой среде рождаются избиратели, которые превращают выборы в школу политического разврата. Конституция хуже гласности. Которая обычно ничтожна как сплетня. И становится страшною, когда достигает громадных размеров. Толстой и Гагарин понимают демократию так же, как ее понимали американские президенты. Можно дурачить весь народ какое-то время, можно дурачить часть народа все время, но нельзя обманывать всех все время, говорил Авраам Линкольн. Власть всегда избирается той самой частью, которую можно дурачить все время. Глупость достигла такой величины, что это уже всем заметно. Идут по пути англичан. У Гагарина легитимность власти зависит от того, насколько ее деятельность согласована с мертвыми. И насколько она согласована с будущими поколениями.

Айдак. И с природой.

Сулейменов. Нелепость принимаемых властью решений обычно в том и заключается, что они не согласованы с мертвыми.

Абалкин. Если власть не согласована с Чаадаевым, Толстым, Гагариным и Платоновым, она незаконна.

Сухов. Аделаида Александровна устраивала спиритический сеанс. Вызывала Гоголя. Но вместо него явился какой-то шведский кинорежиссер...

Абалкин. Ингмар Бергман?

Сухов. Он. И режиссер сказал: будет предложение, ввести клятву для конгрессменов при вступлении в должность. Отказаться от своих предков, допустивших бомбардировку Хиросимы и Нагасаки. И текст

клятвы ввести в конституцию. Предложение не наберет необходимого количества голосов и страну расформируют. Аляску заберет Китай.

Абалкин. Платонов сказал про Хиросиму, что это торжество американского гения, великое деяние самого мирного, самого боголюбивого народа на земле. Убийства стали самой популярной забавой американского народа.

Сулейменов. Муаммар Каддафи в "Зеленой книге" пишет, что скачущие на конях всадники не сидят на трибунах. Некоторые народы не знали театра, потому что жизнь их сурова. Заполнена трудом. Они серьезно воспринимают жизнь. Им смешны всякие имитации жизни. Каддафи указывает и причину: если бы каждый имел коня, то не нашлось бы желающих наблюдать за скачками и аплодировать их участникам. Театры заполняют бездельники. Те, кто не понимают смысла исторических событий и не представляют себе будущего.

Абалкин. Все правильно. Кто не понимает. И не представляет. Таковы все люди. И бездельники: таков шекспировский театр. Но если бы Петр Фоменко поставил "Три сестры", они имели бы целью оскорбить и осквернить человека во всем...В юности у него была точка у входа в "Арагви". Работал с другом. Как только из дверей появлялся вальяжный мужчина со спутницей, начинал неудержимо рыдать. Друг кричал: "Отобрали паспорт! Военный билет! За возвращение милиция требует огромную сумму". Фома: "Не надо! Не унижайся! Посмотри - с какой он женщиной!" Получали свои деньги и отправлялись в "коктейль-холл". С тех пор подсел на рыдания. Они сотрясают его грудь! Вот эту патологию, доведенную до поэзии и играют актеры в постановках Фоменко. Персонажи в его спектаклях - вальяжные мужчины с их спутницами. В "Плодах просвещения" Фоменко учит актрису, играющую Татьяну, которую когда-то играла Лилина: приехала девочка из провинции в Москву, прошло три года, а это Екатерина Фурцева, вот что надо играть.

Ландсбергис. Фоменко - это искусство даже по Толстому. У него есть искусство и есть не искусство. Искусство бывает хорошее и плохое. Фоменко, по Толстому - это плохое искусство, но искусство (*делает ход*).

Сулейменов. То-есть он неудержимо рыдает искренне.

Абалкин. Нет, он наигрывает. В лучшем случае он ищет у Толстого менее нужные людям чувства и изображает их. Пытаясь развенчать Толстого. О "системе Станиславского" Фоменко знал по "Театральному роману", тут они оба Шариковы. А Фурцеву Ефремову удалось обмануть. Ставя Ионеско в театральной студии московского университета, Фоменко объясняет студентке, что она должна представить, чтобы войти в роль. Ему, в свою очередь, объясняют, где он находится, и он оказывается на Кавказе, (*Сухову*) да, сейчас это называют сталинскими репрессиями. Инфантилизм режиссера автоматически ведет к инфантилизму актеров и персонажей. Рецензия на спектакль Фоменко невозможна. К тому же он даже не примадон, примадон - Марк Захаров, с его "крылышками бряк-бряк-бряк". Режиссер Анатолий Васильев говорит: я знаю, что все, что связано с моим поколением, мною завершено. Меня не интересуют более настроения и мысли моего современника, мне он неинтересен. Я успокоился, потому что отошел от этой жизни. Я ее настолько не люблю, что освободился от нее. Я совсем всё не люблю. Меня перестали интересовать вопросы, связанные с моральной стороной жизни человека, это стало для меня пошлым. Бряк-бряк-бряк.

Сухов. А в это время живут Дмитриев и Лаврентьев.

Абалкин. Во времена Шекспира не было должности цензора, сейчас он называется режиссером. И он объясняет актеру, что он должен чувствовать; как сидеть; как стоять. Режиссерский театр требует соответствующего актера, доселе небывалого: пустое лицо, пустые глаза. Они не могут играть Толстого, Чехова, Платонова. Недавно видел по телевизору: наши лучшие актеры читают стихи Цветаевой. Михаил Казаков, Маргарита Терехова, другие. Ужас какой-то. Актер режиссерского театра - это деградация, по сравнению даже с шекспировским "Глобусом". И Зуева сказала о Смоктуновском и Ефремове, поставившем чеховского "Иванова": они не знакомы с основами мхатовского искусства.

Сахаров. Опереточный Смоктуновский в фильме Ромма "Девять дней одного года" всегда вызывал у нас приступы смеха. Такая развесистая клюква.

Абалкин. Да. Смоктуновский. Выражение его лица, он только что заколол отца Офелии, - выдает: типичный актер, льстивый, гибкий, неискренний. Сегодня режиссер уже необходим. Для организации суеты и движения. Это у них метод физических действий. Якобы по Станиславскому. Непрерывно ошарашивать зрителя неожиданностями, чтобы он не ушел до конца спектакля.

Распутин. И я сдался. Писать больше не о чем.

Сахаров. Когда мы встречали у Дмитриева Новый год, он читал Ронсара:

Скорей погаснет в небе звездный хор
И станет море каменной пустыней,
Скорей не будет солнца в тверди синей,
Не озарит луна земной простор;

Скорей падут громады снежных гор,
Мир обратится в хаос форм и линий,
Чем назову я рыжую богиней
Иль к синеокой преклоню мой взор.

Я карих глаз живым огнем пылаю,
Я серых глаз и видеть не желаю
Я враг смертельный золотых кудрей,

Я и в гробу, холодный и безгласный,
Не позабуду этот блеск прекрасный
Двух карих глаз, двух солнц души моей.

Правда, он читал по-французски.

Ландсбергис. Так во Франции есть поэты?

Сулейменов. Толстой говорит, что в любой литературе есть все питательные вещества, требующиеся духу.

Абалкин. Любовь к жене превращается для Платонова в такую умственную загадку, что он принимается за ее решение в "Счастливой Москве". Толстой не мог без слез читать чеховскую "Душечку". Его трогало, как она с полным самоотречением любит Кукина и всё, что любит Кукин. И так же лесоторговца. И ветеринара. Чеховская героиня горячо любит нового мужа после смерти предыдущего; Платонов в "Счастливой Москве" не дает себе такой поблажки. Любовь, говорит Платонов, быстро поедает самое себя и прекращается, если любящие избегают включить в свое чувство нелюбовные, прозаические факты действительности. Если невозможно или нежелательно совместить свою страсть с участием в каком-либо деле. Старые чувства бьются, как пойманные. Не впуская ничего нового. Любовь любит нечто нелюбовное. Непохожее на нее. Любовь в идеальной, чистой форме, замкнутая сама на себя, равна самоубийству. Она может существовать в виде исключения лишь очень короткое время.

Сулейменов. Человек еще не научился беспрерывному счастью.

Абалкин. Платонов пишет о чеховской Душечке: "пожилая баба сидела в застекленной надворной пристройке и с выражением дуры глядела в порожнее место на дворе".

Сулейменов. Софья Андреевна говорила: он Христа не понимает! Левочкины рассуждения неприменимы к жизни. И я не допущу! Толстой пишет: никто из моих сыновей не разделяет моих взглядов. Сын Андрей Львович говорит: у папа вся жизнь для других. А жизнь мама - только для себя, концерты, блески, а не вся эта чепуха - переселение духоборов, что такое искусство. Толстой пишет: жизнь, в которой я по какой-то или необходимости, или слабости, участвую, - в ней отсутствуют всякие не то что разумные, но просто какие-либо, кроме самых грубых, животных интересов. Швыряние под ноги чужих трудов в виде денег. Я задыхаюсь, хочется кричать и плакать, - бесполезно. Никто даже не обратит внимания. Что мне дал брак? Ничего. А страданий бездна.

Абалкин. Другие примеры есть. Чехов и Ольга Книппер. Довженко и Юлия Солнцева. Жена машиниста, у Платонова. Она привыкла следить за мужем и тихо думала о нем все дни и ночи. Чутко ощущая еще слышный запах машины от его волос и одежды, когда муж был дома. И воображая его про себя, когда он находился в поездке. Она понимала, когда надо слушать мужа и когда наставлять его.

Ландсбергис. Жена машиниста - немножко душечка. И они бездетные.

Сахаров. У Дмитриева четверо детей.

Абалкин. Однако умственная загадка осталась.

Айдак. У нас нет яслей, детских садов, и загадок. Детей воспитывают бабушки и дедушки. Колхозница в 30 лет выглядит на 45. Они изнашивают себя. В юности я был учителем литературы в школе. Детям нравилась сказка "Девочка-мышь", из толстовской *Азбуки*. "Один человек шел подле реки и увидал, что ворон несет мышь. Он бросил в него камень, и ворон выпустил мышь; мышь упала в воду. Человек достал ее из воды и принес домой. У него не было детей, и он сказал: «Ах! если б эта мышь сделалась девочкой!» И мышь сделалась девочкой. Когда девочка выросла, человек спросил ее: «За кого ты хочешь замуж?» Девочка сказала: «Хочу выйти за того, кто сильнее всех на свете». Человек пошел к солнцу и сказал: «Солнце! моя девочка хочет выйти замуж за того, кто сильнее всех на свете. Ты сильнее всех; женись на моей девочке». Солнце сказало: «Я не сильнее всех: тучи заслоняют меня». Человек пошел к тучам и сказал: «Тучи! вы сильнее всех; женитесь на моей девочке». Тучи сказали: «Нет, мы не сильнее всех, ветер гоняет нас». Человек пошел к ветру и сказал: «Ветер! ты сильнее всех; женись на моей девочке». Ветер сказал: «Я не сильнее всех: горы останавливают меня». Человек пошел к горам и сказал: «Горы! женитесь на моей девочке; вы сильнее всех». Горы сказали: «Сильнее нас крыса: она грызет нас». Тогда человек пошел к крысе и сказал: «Крыса! ты сильнее всех; женись на моей девочке». Крыса согласилась. Человек вернулся к девочке и сказал: «Крыса сильнее всех: она грызет горы, горы останавливают ветер, ветер гонит тучи, а тучи заслоняют солнце, и крыса хочет жениться на тебе». Но девочка сказала: «Ах! что мне теперь делать! как же я выйду замуж за крысу?» Тогда человек сказал: «Ах! если б моя девочка сделалась опять мышью!» Из девочки сделалась мышь, и мышь вышла замуж за крысу"

Ландсбергис (*читает М.Карема в переводе М.Кудинова*).

На мельнице жил кот.
Не брал он мяса в рот:
Лепешки ел, и пышки ел,
И сладкий пил компот.

Гудит-грохочет мельница,
С утра зерно там мелется.
Мышам живется весело –
Грызут зерно, не ленятся.

И растолстели мышки -
Страдают от одышки.
На пышки и лепешки
Похожи стали мышки.

И спутав их с лепешками,
С лепешками и пышками,
С тех самых пор
Тот самый кот
Питаться начал мышками.

Абалкин (*М.Карем*).

Был серый котенок
В крапинках белых
А белый крысенок
В крапинках серых.
И были хвосты их к тому же
Один другого не хуже.

Да, это так! И все же
Носы у них были несхожи:
Был серый котенок
С носиком белым,
А белый крысенок
С носиком серым.
И были носы их к тому же
Один другого не хуже.

Да, это так! И все же
Усы у них были несхожи:
Был серый котенок
С кисточкой белой,
А белый крысенок
С кисточкой серой.
И вот по этой причине,
Совсем пустяковой причине,
Держались они друг от друга вдали:
Они друг друга терпеть не могли.

Сулейменов (*М.Карем*).

Есть на луне колокола...
Возникнув из ночного мрака,
Их звон гласит, что умерла
В ночи бездомная собака.

Есть на луне колокола.
Об этом верный пес мой знает,
И что таит ночная мгла,
Он чутким сердцем понимает.

Есть на луне колокола,
Но только он их слышать может.
А люди спят. Их ждут дела.
И этот звон их не тревожит.

Сахаров (*М.Карем*).

Сколько было, скольких нет!
Сколько явится на свет!
Между ними - я, чье тело
Оперлось на парапет.

Позади меня века
Всяких бедствий и мучений,
Впереди меня века
Без особых улучшений.

А теперь, вот в этот миг,
Солнце тускло догорает,
Солнце, словно ростовщик,
Золото свое считает.

Я же думаю о том,
Что когда-то, тусклым днем –
Днем, на этот день похожим,
Кто-то, кто был слаб умом,
Вдруг поверил, что на небе
Бог заботится о нем.

Айдак (*М.Карем*).

Раздавите ее! Это только оса.
Поломайте ее! Это только былинка.
Уничтожьте ее! Это лишь стрекоза.
Сапогом ее! Это всего лишь личинка.

Абалкин. Потребность искусства неискоренима в человеке, а мы детям - Обломова. Читаю Гончарова и удивляюсь, пишет Чехов. Утрированная фигура, не сложная, дюжинная, мелкая. Возводить сию персону в общественный тип - дань не почину. Если бы Обломов не был лентяем, то чем бы он был? Ничем. Стоило из-за него писать книгу? Остальные лица мелки, взяты небрежно, эпохи не характеризуют, нового ничего не дают; Штольц не внушает никакого доверия, наполовину сочинен, на три четверти ходулен; Ольга сочинена и притянута за хвост; а главное - во всем романе холод, холод, холод. Толстой говорит: Гончаров думает, что чувства, испытываемые людьми его круга, очень значительны и разнообразны. В действительности они ничтожны и несложны. Нет ничего более старого и избитого, чем наслаждение. Один герой поцеловал даму в ладонь, другой в локоть...Гончаров видит здесь бесконечное содержание.

Сулейменов. Фильм "Ирония судьбы" сняли люди, и для людей, которые в школе изучали Обломова. Думаю что Барбара Брыльска презирала и актеров и героев этого фильма.

Ландсбергис. Главный редактор известного журнала "Новый мир", обращаясь во вступительном слове к участникам платоновской конференции, говорит, что общество героев Платонова, мир изолгавшихся, мир рабов, противостоит здравому смыслу.

Сулейменов. Платонов же пишет, что они красивы от природы или от воодушевления.

Сахаров. Толстой говорил Гольденвейзеру, он мне рассказывал, что люди всегда портят тем, что спрашивают: «Ну, мы освободим рабов, а дальше что? Как это устроится?» Толстой говорит: я не знаю, как это устроится. Но знаю, что существующий порядок есть величайшее зло, и поэтому должен стараться как можно меньше участвовать в поддержании этого зла. А что будет на месте этого зла, я не знаю, и не должен знать. Откуда мы, обеспеченные классы, взяли на себя роль каких-то устроителей жизни? Предоставим освобожденным рабам самим устраиваться. Я знаю только, что скверно быть рабом, и еще хуже иметь рабов, и поэтому должен избавиться от этого зла. Больше ничего.

Ландсбяргис. Значит, во всем виноват все-таки Толстой.

Сулейменов. В 1931 г. Платонов пишет жене из командировки в совхозы на Волге: если б ты знала, как тяжело живут люди. Но я не вижу другого пути, чем тот, по которому мы идем. В 1937 году Платонов записывает: бабы в деревне - нерожающие сплошь. Надорвались на полевых работах без мужиков в 1914-16 годах.

Абалкин. Ставить пьесы Платонова - это попытка общения с Платоновым. Как и с пьесами Чехова. Практически все персонажи - это Платонов. В "Счастливой Москве" Москва Честнова - это главный персонаж романа - не могла понять, почему люди жались к пустякам, когда в городе были мировые театры. Другой персонаж Сарториус: необходимо вникнуть во все посторонние души! Тоже Платонов. "Он был исследователем и не берег себя для тайного счастья, а сопротивление своей личности предполагал уничтожить событиями и обстоятельствами, чтобы по очереди могли войти в него неизвестные чувства других людей". Цитирую: "исследовать весь объем текущей жизни посредством превращения себя в прочих

людей", "перемучиться на другое существование, которое запрещено законом природы и привычкой человека к самому себе". Это МХАТ Станиславского. Когда же начинали говорить о современной литературе, Платонов "кротко улыбался от отчаяния".

Ландсбергис. А главный редактор "Нового мира" сожалеет, что и в наши дни не утеряны рецидивы этой "честности"

Абалкин. Именно! *Абалкин, Ладсбергис* (*хором, "Исследователям" Юхана Лийва, в переводе Л.Тоома*)

Собаке - задача ее непроста! –
никак не поймать своего хвоста,
но заключить она всё-таки рада,
что хвост налицо и висит где надо.

Абалкин. Он обычно пишет пьесу три недели, но ее постановка вновь требует изменений в искусстве театра. В искусстве актера. При чтении "Шарманки", "Высокого напряжения" или "XIV красных избушек" постоянно возникает ощущение, что это сыграть нельзя. И если в первых двух можно оправдаться чисто постановочными сложностями, то в *Избушках* их нет. И потому ощущение еще более яркое. И очевидное. Тут невозможна никакая "концепция". Она всегда у Платонова в процессе разработки. Можно только принять участие. Нужно соответствовать, только и всего. Как Станиславский, пытаясь соответствовать Толстому и Чехову, изменил мировой театр.

Сулейменов. Толстой говорит: от общения с профессорами многословие, труднословие и неясность, от общения с мужиками сжатость, красота языка и ясность.

Абалкин (смотрит на портрет, Сухову). Такая же ясность, красота, сжатость - в фильмах Довженко. *(Айдаку)* И он из крестьян. Борхес говорит: я был сторонником русской революции, но увидев *Броненосец Потемкин*, засомневался. Впрочем, подумал, может быть, просто плохой фильм.

Сулейменов. Платонов говорит об Эйзенштейне: режиссер туманных картин.

Абалкин В фильмах Довженко старики умирают, как умирал Чехов. Когда смотришь "Власть тьмы" в Малом театре в постановке Равенских, как там мечется Блохина-Анютка, или как она тоненько выводит "Летят утки и два гуся...", здесь не только Толстой, но и Довженко. Его фильмы подвигли Равенских на этот необыкновенный спектакль.

Сулейменов. Толстой спрашивает: "Кому у кого учиться писать, крестьянским ребятам у нас или нам у крестьянских ребят". В связи с чем литераторы изощренно издеваются над Толстым. И они все - не правы. Толстой лишь пророчил Шергина и Платонова. Шергин прямо пишет: река живой народной речи и река русской литературной речи остались неслиянны. Его беспокоит настойчивый, но невнятный постулат: учитесь языку у классиков. А Гагарин прямо говорит: русские классики - это иностранцы, пишущие о России. У героев Платонова опытное знание голода и холода, и выработанные этим знанием скрытые "секретные" средства спасения жизни и питания собственной души.

Абалкин. Их жизнь - сплошное переживание. Не представление.

Сулейменов. Их "мысли сильны и страстны как половая любовь. А не спорт мозговых извилин". Их жизнь "полна мучительных интеллектуальных исканий выхода, ошибок, тревог, любви". Захар Павлович говорит Дванову, в "Чевенгуре": Саша, сделай что-нибудь на свете, видишь - люди живут и погибают. Нам ведь надо чего-нибудь чуть-чуть.

Абалкин. Разница между Платоновым и Вирджинией Вулф очевидна: она пыталась впитать в себя всё, что вошло в мировую литературу. Включая русскую. Он описывает мир, который неизвестен мировой литературе.

Сулейменов. Но от специальных служащих не скроешься. После кропотливого анализа платоновских текстов членом художественного совета по делам искусств при Совнаркоме СССР Гурвичем, выполненного в конце 1937 года, на пятидесяти страницах журнала "Красная новь", Платонову говорили в глаза: скоро тебя шпокнут. О Гагарине, не упоминая фамилии, Гурвич пишет так: у Платонова есть навязчивые мысли, которые почти никогда не покидают его, и среди них вечный, неотступный образ - умирающей матери. Гурвич делает вывод, что коммунизм Платонова не имеет ничего общего с коммунизмом по Марксу. Марина Цветаева пишет о большевике: себя искренно и огорченно считает скверным, мучится каждой чужой обидой, неустанно себя испытывает; берет на себя все грехи советской власти, каждую смерть, каждую гибель, каждую неудачу совершенно чужого человека; помогает каждому с улицы; вещей никаких - все роздал; а главное - детская беспомощная тоскливая любовь к только что умершей матери. - Марина! Мы гибнем. Должен ли я уходить из партии? - Вы, если не ошибаюсь, вступили в нее, когда белые были в трех верстах от Воронежа? - Да. - Борис, я люблю, чтобы деревья росли прямо. Ростите в небо. Оно одно: для красных и для белых. Кроме обычных и довольно частых революционных переломов, пишет Платонов в "Воронежской коммуне", в истории есть еще переломы, по напряженности и результатам во много раз превосходящие такие же периодические социальные изменения. Они происходят раз в тысячу лет. Не чаще. И приводят к коренному изменению души человека. Именно такой перелом и обозначен Толстым и Октябрьской революцией. Устройство новой души и явлено нам Платоновым.

Абалкин. А сейчас пишутся диссертации, где устанавливается, что ранний период творчества Платонова не представляет общеэстетического интереса; а Платонов считал его самым важным, главным.

Сулейменов. Диссертантша, видимо, просится в Академию.

Абалкин. Как Александр Николаевич.
Абалкин, Ладсбергис (*хором*)

Собаке - задача ее непроста! -
никак не поймать своего хвоста,
но заключить она всё-таки рада,
что хвост налицо и висит где надо.

Абалкин. Платонововедша включает дурочку: противопоставляет Платонову "сына народа" Шолохова. Для "сына народа" невозможна горделивая позиция "без меня народ неполный". У Платонова жена машиниста говорит: куда тебя домовой несет? Тот только что возвратился из поездки. Отсутствовал сутки. Метель утихла, палец в машине прогреется, притерпится. Железо тоже свыкается друг с другом, там без тебя народ есть. А он не может уснуть. "Народ там есть, Анна Григорьевна, а меня там нет. А без меня народ неполный". Снаряжается и уходит. Гуманитарные науки, заключает Толстой в XX главе своего трактата, всегда занимаются только одним: нагромождают и всеми силами изобретательности ума поддерживают постройки лжи по каждому из самых существенных вопросов жизни. Главной задачей интеллигенции XX века в России стало недопущение в школьные и университетские программы фундаментальных идей Чаадаева, Толстого, Гагарина и Платонова.

Сулейменов. Гагарин говорит: главное препятствие - крайняя нравственная тупость книжников - ученых и всей "интеллигентной" толпы. Выдумают какую-нибудь ахинею и уже сами верят в нее.

Абалкин. Главный текст Толстого "В чем моя вера", который должен изучаться в школе, впервые был опубликован - в 23 т. 90-томника Толстого в 1957 году. Справка: 25 том вышел в 1937 году. Поэтому и легко внедрить ложь о непротивлении злу Толстого. У него, после естественного исправления устройства жизни - в первую очередь, так называемой христианской цивилизации - уровень насилия уменьшится в 100, в 1000 раз. И тогда вы будете - также естественно! - подставлять другую щеку. Как извинение за то, что вы нечаянно кого-то обидели. Вуаля ту. Философические письма Чаадаева впервые напечатаны в СССР в 1987 году. "Записка" Гагарина издана в 1982 году. С купюрами! И с пояснениями, почему Гагарин не нужен: не понимал диктатуры пролетариата. Большая часть текстов Платонова - не издана. Рассказ "Афродита", написанный им в 1945 году, опубликован в журнале "Сельская молодежь" через одиннадцать лет после его смерти. Написав этот рассказ, Платонов почувствовал свободную радость, независимую ни от злодея, ни от случайности. Во всех учебниках истории меньше истории, чем в этом рассказе. И это совсем другая история.

Айдак. Там еще сказано: все действительно возвышенное рождается лишь из житейской нужды.

Абалкин. Вот, например, Чаадаев; он говорит: с того дня, как мы произнесли "Запад" по отношению к самим себе, - мы себя потеряли. Стоя лицом к лицу с Западом, и видя западную цивилизацию как она есть - как плод насилия, завоевания и захвата - сами становясь Западом, мы теряем способность выйти из этого порочного круга. Из которого Запад выйти неспособен. Для них уже это невозможно. Из-за пагубного влияния суеверий и предрассудков, наполняющих умы европейцев. Специальный служащий никогда не цитирует этих текстов Чаадаева. Когда Чаадаев говорит: русский либерал - бессмысленная мошка, толкущаяся в солнечном луче, и солнце это - солнце запада, специальный служащий комментирует: это несомненно салонная острота. Какие они все шалуны, говорит Чаадаев, эти профессора. Интеллигентную толпу настолько вдохновляет успех по исключению Толстого из нашей жизни, что они надеются его повторить в XXI веке с Платоновым. Что мы тут уже слышали.

Распутин (улыбается). Я понял. Лучше и полезнее чистить выгребные ямы. (*Сухову*) Можно, я сделаю объявление? (*Сухов кивает*.) Следующее заседание Всемирного Конгресса состоится 14 декабря, в Каунасе, проспект Кауно Юрос, 6[а]. Это недалеко от яхт-клуба. Тема: "Свойства случайных блужданий". У меня всё.

Абалкин. С Толстым, они думают, вопрос закрыт.

Ландсбергис. Я тоже понял. В школе изучать Платонова и...

Распутин (улыбается). ...не изучать Распутина.

Сулейменов. Новые чувства рождаются не из наблюдения и изучения, а участия. Строил сельские электростанции. Боролся с засухой. Сооружал колодцы, пруды, плотины. "Епифанские шлюзы" написаны за две недели. В Тамбове. Здесь он начальник отдела мелиорации. Рукопись практически не имеет правки. "Город Градов" написан за десять дней. Пишет жене: мне кажется - настоящее искусство, настоящая мысль и могут только рождаться в таком захолустье. С декабря 1929 по апрель 1930 в Ленинграде, находясь в командировке, днем Платонов в турбинной мастерской Ленинградского металлического завода, вечерами и ночами написан "Котлован".

Абалкин. И там написано: "Христос ходил один неизвестно из-за чего".

Сулейменов. В трудные моменты жизни Платонов вспоминает умершего ребенком любимого брата Митю. Не евшему в голод по шесть дней. Играющим не в игрушки, а одним воображением. И думал, как бы тот поступил. И поступал как брат. Почти всю войну провел на фронте, в землянках. Печатается в "Красной звезде". Уже в июле 1941 он на Ленинградском фронте. Калинин, Орел, Киев, Могилев, Минск, Курская битва. Военные рассказы Платонова - это священные тексты. "Один бой", "Рассказ о небольшом сражении под Севастополем", "Оборона Семидворья", "На Горынь-реке", "Два дня Никодима Максимова", "Сержант Шадрин", "Офицер и солдат", "Афродита", "Среди народа", "Иван Толокно", "Домашний очаг", "Сампо",

"Три солдата", "Полотняная рубаха", "Мать", "Рассказ о мертвом старике". Через тысячу лет именно по этим текстам будут судить о нашем времени.

Ландсбергис. И сейчас Вы предлагаете насаждать Платонова как картошку при Екатерине. Уроки литературы как платонововедение. Как неоднократно предлагали пушкиноведение как наше всё.

Абалкин. Почти что. Платонововедение - это не уроки литературы. Это - вместо Закона Божия. Вместо диалектического материализма. О Платонове будет рассказывать сам Платонов. Его тексты. Он говорил: через триста лет и литературы никакой не будет, а всякое слово у людей сейчас же будет переходить в дело. Сознание нового человека надо воспитать на чувстве настоящего как прошлого. Сдвинуть его в будущее. Вся мелочность и досада бытовой жизни исчезнет. На экзаменах в Вуз будут спрашивать по Платонову, национальному автору, (*Ландсбергису*) у вас - литовскому. И местному автору - Шолохов в Ростовской области, Писахов - в Архангельской области и т.д. В Иркутской - Распутина...

Распутин. ...наверное - по внеклассному чтению.

Абалкин. В русских регионах России - Шергин. И по автору, выбранному самим экзаменующимся. Вот и все. И каждый учитель в школе должен преподавать Платонова, местного автора и несколько любимых авторов учителя. Это может быть Пушкин, Толстой, Чехов, Цветаева и кто угодно. Учитель должен преподавать только любимых им авторов. У разных преподавателей - разные авторы.

Айдак. Когда я в молодости был учителем, читал школьникам Бёрнса. Россия не Восток и не Запад. Не Европа и не Азия. И не особая часть света. А составляющая с ними одно целое.

Абалкин. У меня бы школьники знали "Флаш" Вирджинии Вулф, (*Распутину*) - по внеклассному чтению, Карема в переводах Кудинова. Карем родился в тот же год, что и Платонов.

Сулейменов. Тагора в переводах Горбовского.

Говорят, в глубинах тёмных Моря Бытия
Без числа кораллов ценных, перлов, янтаря.
Много лет ловцы сокровищ тщетно ищут их
По рассеянным намекам позабытых книг.

Абалкин. Именно! Древних греческих поэтов в переводах Блуменау. В классе могут быть уроки разных преподавателей литературы. Каждый учитель раскрывает для себя все новых авторов. Море литературы безгранично. Я бы давал Мятлева, любимого поэта Лермонтова. Мятлевский "Таракан" кочует от Достоевского к Горькому и Платонову.

Тараканъ
Какъ въ стаканъ
Попадётъ -
Пропадётъ;
На стекло,
Тяжело,
Не всползетъ.
Так и я...

Сахаров. Так и я...

Абалкин.

Весь народъ
Говоритъ,
Новый годъ,
Говоритъ,
Что принесъ,
Говоритъ,
Ничего-съ,
Говоритъ,
Кому крестъ,
Говоритъ,
Кому пестъ,
Говоритъ,
Кому чинъ,
Говоритъ,
Кому блинъ...

Звуки мятлевского "Нового года" мы слышим у Вяземского. Потом у Вельтмана и Курочкина. Пока не трансформируются, уже в наше время, просто в "блин". "Фонарики" считаются народной песней, "как хороши, как свежи были розы" уже давно считается строкой из Тургенева. Его стихи невозможно "декламировать", каждое стихотворение рождено вместе с мелодией, и нужно вести мелодию. Редкие его

стихи были не положены на музыку, "Бывало" читали у Виельгорского под виолончель (*Ландсбяргис делает ему знак, идет за стойку, приходит с виолончелью, они исполняют "Бывало"*)

Бывало, бывало,
Как все утешало,
Как все привлекало
Как все забавляло
Как все восхищало,
Бывало, бывало!

Бывало, бывало,
Как солнце сияло,
Как небо пылало,
Как все разцветало,
Резвилось, играло,
Бывало, бывало!

Бывало, бывало,
Как сердце мечтало,
Как сердце страдало,
И как замирало,
И как оживало,
Бывало, бывало!

Но сколько не стало
Того, что бывало,
Так сердце пленяло,
Так мир оживляло,
Так светло сияло,
Бывало, бывало!

Иное завяло
Иное отстало,
Иное пропало,
Что сердце ласкало,
Заветным считало
Бывало, бывало!

Теперь все застлало
Тоски покрывало!
Ах! сердце, бывало,
Тоски и не знало.
Оно уповало!
Бывало, бывало!

В какой-то момент появляется мадам Пок. Слушает. Её никто не замечает.
Ландсбяргис. Во всем виноват Толстой! (*Занавес. На вызовы выходит только мадам Пок**)

1991, 2023

* Хорошо, если исполнительница роли мадам Пок еще и режиссер спектакля

m.kovrov@mail.ru

INETLOG

В авторский текст М. Коврова
http://mkovrov.ru/congr.html
хулиганом ниже добавлена фотография (с запечатлённым на ней хулиганом),
титульная страница, а таже расставлены точки над «е» в тексте с одобрения Главного Ёкаря России.

Пикет Конгрессменов у Литературного института
в столетие Платонова в 1999 году